

РУКА СФИНКСА

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

Фэнтезийная проза
высочайшего уровня.

The Toronto Star

ДЖОСАЙЯ БЭНКРОФТ

БАВИЛОНСКИЕ КНИГИ. КНИГА 2

Звезды новой фэнтези

Джосайя Бэнкрофт

**Вавилонские книги.
Книга 2. Рука Сфинкса**

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Бэнкрофт Д.

Вавилонские книги. Книга 2. Рука Сфинкса / Д. Бэнкрофт —
«Азбука-Аттикус», 2015 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-16941-8

Пройдя три уровня Вавилонской башни, этого дьявольского лабиринта, полного обмана, пороков и всевозможных опасностей, Томас Сенлин вырвался на свободу, но так и не вернул потерянную жену. Он вынужден стать пиратом, чтобы выжить на борту украденного воздушного корабля и продолжить поиски. Превратности судьбы заставляют Сенлина обратиться за помощью к главной легенде многоярусного мира, к таинственному Сфинксу, чьей печатью отмечены многие чудеса. Но Сфинкс ничего не делает даром, а в Вавилонской башне крайне опасно быть у кого-то в долгу. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-16941-8

© Бэнкрофт Д., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Часть первая. «Каменное облако»	8
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	29
Глава шестая	34
Глава седьмая	37
Глава восьмая	42
Глава девятая	48
Глава десятая	52
Глава одиннадцатая	57
Часть вторая. Золотой зоопарк	63
Глава первая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Джосайя Бэнкрофт

Вавилонские книги. Книга 2. Рука Сфинкса

Josiah Bancroft
ARM OF THE SPHINX

© Н. Г. Осояну, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

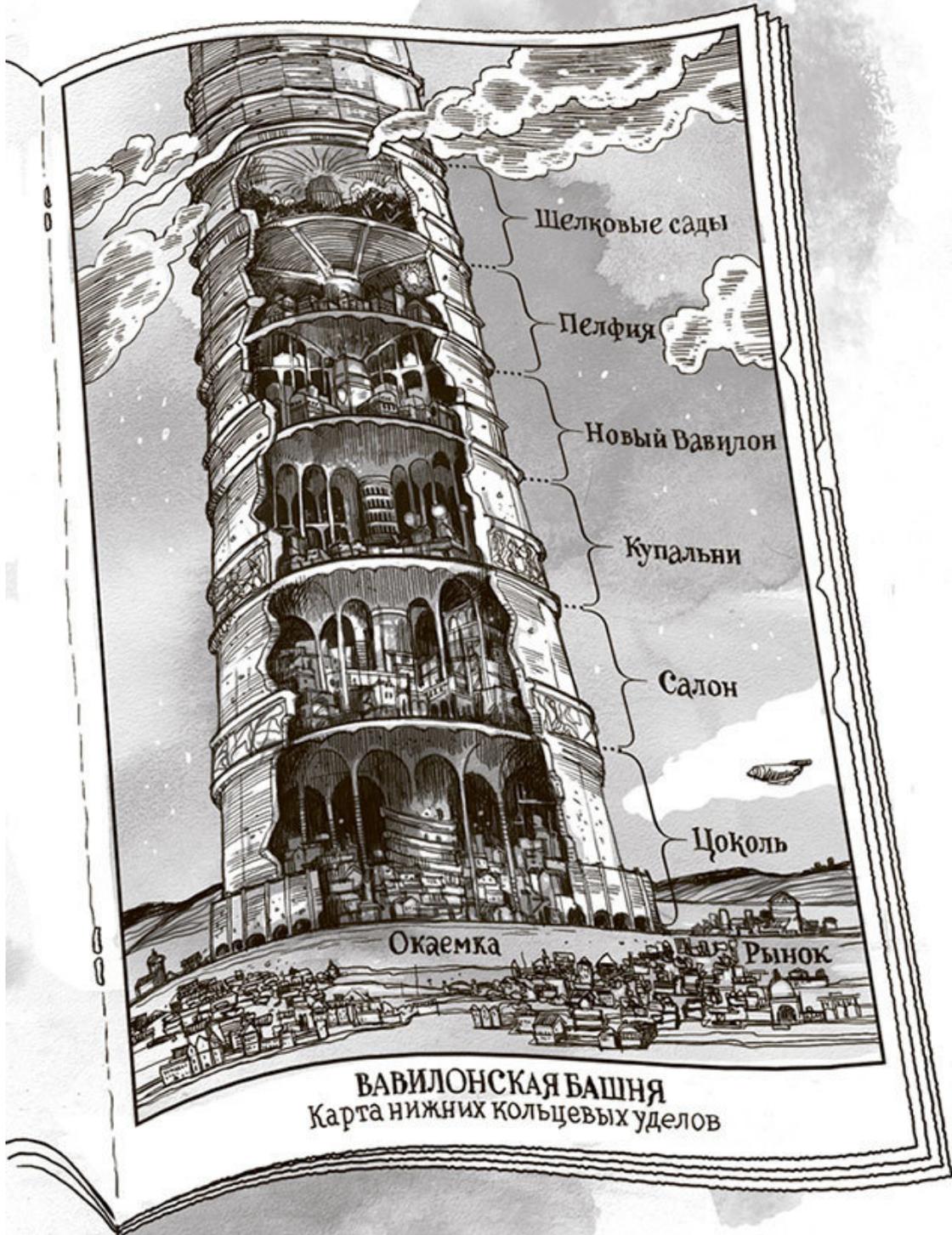
Издательство АЗБУКА®

* * *

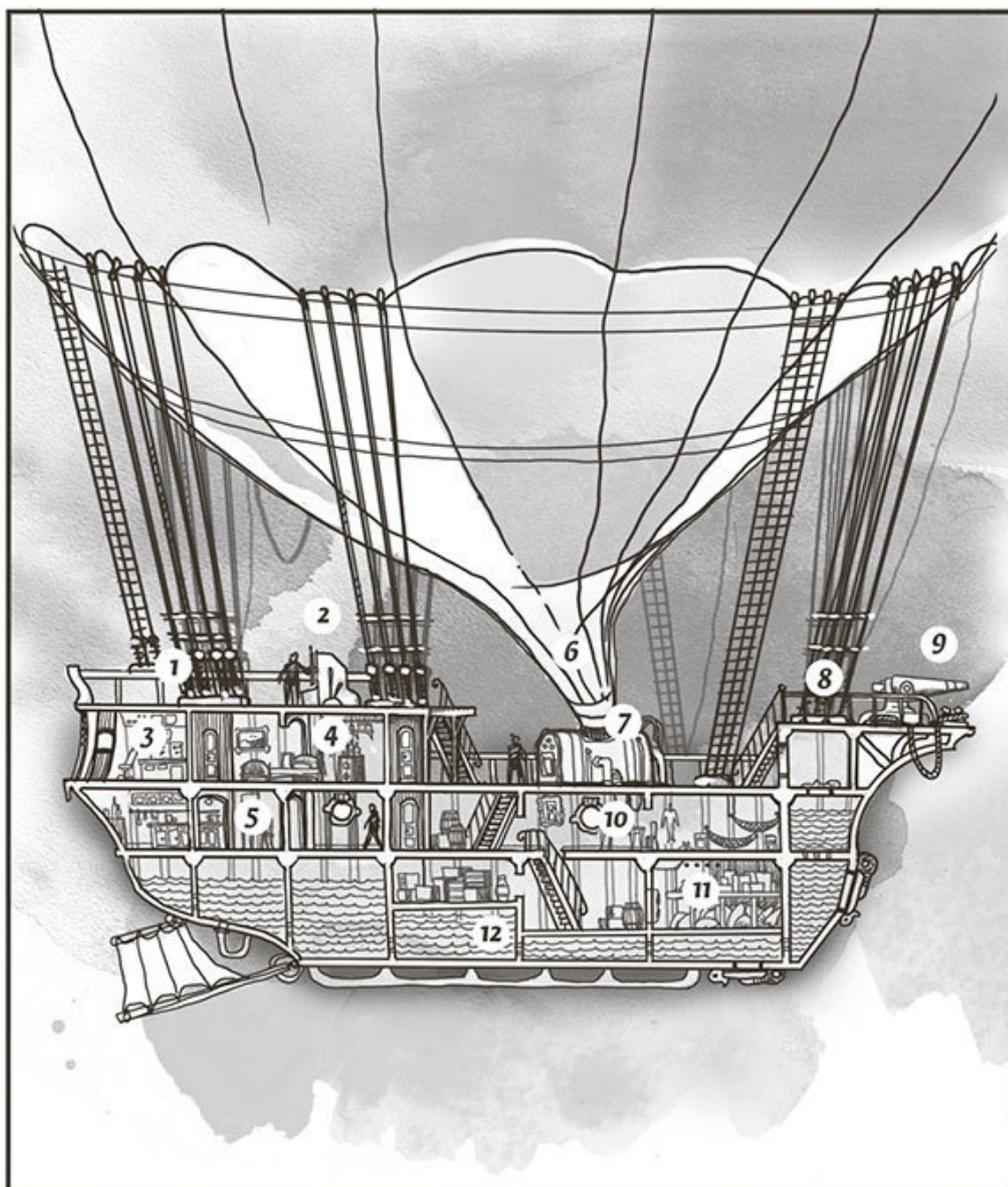
Посвящается Иэну, с которым началось это приключение

Цивилизация подобна солнечному свету. Если он распространен равномерно, в мире процветают культура, новизна и содружество. Но если сосредоточить свет в одной точке, человечество обожжет землю, словно луч из увеличительного стекла.

Судовой журнал «Каменного облака», капитан Том Мадд

«КАМЕННОЕ ОБЛАКО»

1. Квартердек	7. Топка
2. Пост рулевого	8. Полубак
3. Штурманская рубка	9. Гарпунная пушка
4. Каюта капитана	10. Кубрик
5. Камбуз	11. Нижняя палуба
6. Воздуховод	12. Балластный резервуар

Часть первая. «Каменное облако»

Глава первая

Сложность с маскировкой в том, что ее нужно носить какое-то время, прежде чем она сядет по фигуре. Но если костюм носить слишком долго, он становится удобным и привычным. Человек, маскирующийся под кого-то другого, должен следить за тем, чтобы не стать другим по настоящему.

Судовой журнал «Каменного облака», капитан Том Мадд

Воздушный корабль вылетел из седого перевала на холодном, как лавина, течении. Его корпус походил на драккар, длинный и узкий, без весел, со вздымающейся на носу резной головой собаки. Ворчливый наблюдатель счел бы это судно похожим на грубо сколоченный гроб, который несет на спине смеющийся пес.

Команда считала его всего лишь промерзшим насквозь плотом.

Кутаясь в шубы, они топали по палубе, словно обозленные медведи. Такелаж брэнчал на ветру. Никто ничего не говорил. Под ногами в главном трюме плескались сорок баррелей рома, и, просачиваясь, напиток подслащивал воздух нотками сахарного тростника и молодого дуба.

«Каирская гончая» направлялась в Купальни, где ром приносил в десять раз больше прибыли, чем в столицах Ура. Через несколько быстротечных часов у каждого члена экипажа в кармане будет половина годового жалования и все Купальни, чтобы ее промотать. Но, несмотря на грядущие выплаты и свободу, экипаж был встревожен. Они боялись заговорить, потому что, раз начавшись, праздные разговоры легко превращались в нервное бессвязное бормотание, после которого их непременно охватывал ужас.

В этих небесах обитали пираты. Нередко возникали яростные сдвиги ветра¹. И еще стоило побеспокоиться из-за причуд башенных портов. Безопасная гавань при следующем заходе превращалась в тир, где корабль становился мишенью. Всего за несколько месяцев до этого пушечные ядра и пламя разрушили один из самых надежных портов Нового Вавилона. Никто не мог с уверенностью предсказать, как их встретит Башня.

А что делал капитан, пока команда переживала? Он был снова пьян, все еще пьян, всегда изысканно пьян.

Нет, думал каждый из них, лучше помалкивать. Лучше изображать стоицизм.

Далеко внизу, у подножия грубых стен, простирался палаточный пригород, а за ним начинались трущобы с крышами из парусины и толя. Плотно застроенный Рынок рассекали железнодорожные пути, устремляясь от Башни во все стороны, словно лучи розы ветров. Башня не выглядела рукотворной, выстроенной кирпич за кирпичом. Уж скорее она походила на нечто природное – на новую луну, порожденную миром, но не отделившуюся от него. Огромный шпиль вздымался выше окружающих долину гор. Его вершину окутывал непроницаемый туман. Романтики называли эту завесу «Небесным воротником», полагая, что она обозначает точку, где Башня пронзает голубые небеса и выходит в мрачное космическое пространство.

Капитан всегда просыпался злым.

Он и после оставался злым, однако сразу после пробуждения злоба в нем хлестала через край. Но – пьяный или нет, злой или нет – капитан все равно должен был подписать судовой

¹ Сдвиг ветра – атмосферное явление, резкое изменение скорости или направления ветра на относительно небольшом участке. Оказывает серьезное негативное влияние на воздушные суда, особенно при взлете и посадке.

манифест и поторговаться с начальником порта по поводу цены на ром. Похмелье от работы не освобождало. Им придется тянуть соломинки, чтобы выбрать того, кто его разбудит. Боцман обрезал соломинки с метлы и отмерил их на ладони.

Потом появилась девушка.

Казалось, она материализовалась в воздухе возле ворчащей топки и бочек с галетами. Одной рукой она держалась за веревку, мыском ботинка касаясь палубы – легко, как купальщик, проверяющий воду в ванной. Она была симпатичной, но не вульгарной, как шлюха в пивной, которая садится на колени, если угостить ее выпивкой. Она не отличалась пышными формами, как женщины на эскизах в джентльменских книгах, или прекрасным ликом, как мраморные статуи, чьи одежды не плотнее пролитого молока.

Она была восхитительна, как лань в горной долине: гибкая, бдительная и самодостаточная. У нее были непокорные кудри, маленькое личико, яркие глаза. На желтом платье – рваный разрез до талии, а чересчур большие перчатки подошли бы кузнецу.

Они увидели ее не одновременно. Она загипнотизировала их одного за другим.

Одетая в медвежьи шкуры команда «Каирской гончей» приближалась к ней, ступая медленно и обдуманно, как и полагается мужчинам в трансе. С каждым их шагом она понемногу поднималась по канату, направляясь к газовой оболочке наверху. Она совсем не нервничала. Ее самообладание очаровывало мужчин. Сводило с ума.

Не в силах больше терпеть, они бросились за ней.

Она метнулась вверх по такелажу с быстротой молнии, и они столкнулись друг с другом внизу, опрокидывая бочки, толкая товарищей на обжигающую топку, пока каждый пытался ухватиться за веревку. Как только один человек начинал подниматься, остальные тянули его вниз. Незнакомка дернула себя за уши и высунула язык. Кто-то бросил в нее ковшик для воды. Она ловко поймала снаряд и швырнула обратно.

Они начали ссориться, споря, кто увидел ее первым и кому будить капитана, потому что теперь его обязательно нужно разбудить и кто-то должен это сделать, – и вообще, где соломинки?

Их оживленную дискуссию прервал топот за спиной.

Команда «Каирской гончей» обернулась и обнаружила, что корабль взят на абордаж.

Капитан Патрик Дефорд залез в бочку с ромом в первый же день плавания да там и остался. Тучный, с кожей, покрытой сыпью, как у новорожденного, он находился в той точке карьеры, когда все вокруг кажется тупицами, дела идут по-дурацки, а плату за услуги предлагают кретинскую. Матросы считали его тираном, но на самом деле Дефорд их разбаловал. Если бы он в бытность юнгой совершил одну из тех ошибок, какие его подчиненные делали ежедневно, его бы исхлестали до полусмерти. Он не был тираном; он был родителем, которому достался выводок болванов. И вместо того чтобы совершенствоваться, вместо того чтобы принять его руководство как вызов, матросы становились все более угрюмыми и обиженными. Дело потихоньку шло к мятежу.

Как же изменился мир...

Видя все это, разве мог какой-нибудь человек с сильным характером обвинять его в любви к выпивке? Дефорд обнаружил: если выпить достаточно, заснуть можно глубоко и без сновидений. Он падал в постель, как в могилу. Каждое утро было воскресением, каждый вечер – смертью. До чего же здорово приходить и уходить в темноту по собственному желанию.

Нынче утром его грубо выволокли из могилы: обмотали вокруг шеи что-то вроде якорной цепи и выдернули из койки, а также из прелестной тьмы.

Давным-давно приучив себя засыпать с пистолетом в руке, Дефорд быстро прицелился в фигуру, что держала в руках другой конец цепи. Но стоило ему положить палец на спусковой крючок, как массивная рука ударила по стволу снизу вверх и пистолет с грохотом выстрелил

в потолок каюты. От древесной пыли и дыма заслезились глаза. Солнце сияло сквозь пулевое отверстие, освещая темноту и давая Дефорду возможность увидеть, что за человек держит железную петлю.

Но это был не просто человек. Это была великанша с короткими серебристыми волосами, обрамляющими квадратное каменное лицо. Он как будто смотрел на быка, стоящего на задних лапах.

Капитан Дефорд попробовал пнуть амазонку, и в ответ она ухватила его за руки и дважды приложила о потолок. В ушах зазвенело от сотрясения звеньев цепи. Когда истязание прекратилось, его позвоночник как будто укоротился. Присмирив от боли и потрясения, Дефорд не сопротивлялся, пока его тащили на верхнюю палубу в одних подштанниках и запутавшейся белой простыне.

Он был разочарован, но не удивлен, увидев бесполезную команду стоящей с поднятыми руками. Девушка в разорванном платье и женщина с медной трубой вместо руки держали их на мушке, чувствуя себя очень уверенно. От внезапного осознания у Дефорда случился приступ физической боли: его корабль захватили три бабы. Какие еще нужны доказательства? Его люди сговорились против него. Они даже не сопротивлялись.

Был еще один чужак: долговязый мужчина в длинном черном сюртуке. Он походил на пугало. Тем не менее выражение его лица было холодным и серьезным.

– Ах вот вы где! – сказала пугало. – Капитан Дефорд, верно? – Незнакомец протянул руку. Дефорд в оцепенении пожал ее. – Я капитан Том Мадд. Это моя команда. Мы, как вы, наверное, уже поняли, захватили ваш корабль, чтобы избавить его от бремени.

– Не говорите так, словно пришли на чай, – произнес Дефорд, едва ворочая языком, из-за того что сонливость и алкогольные пары еще не выветрились до конца. – Дайте мне меч, и мы разберемся с этим по-мужски. – Смелые слова для человека, чью шею опутала цепь.

– Мы не из таких пиратов, – возразил капитан Мадд.

Он опирался на отполированный аэрожезл, как будто это была трость, а не священный инструмент навигации. Такое неуважение к инструментам профессии поведало Дефорду все, что он хотел знать о захватчике. Мадд – не опытный воздухоплаватель. Его экипаж из женщин намекал, что в предыдущей жизни он был сутенером или торговцем женами. Наверное, он из тех людей, которые никогда не работали очень усердно, никогда не стремились к чему-нибудь. Ленивый, трусливый и самодовольный. Короче говоря, этот Мадд воплощал в себе все проблемы своего поколения.

– О, не притворяйся, что ты какой-то редкий гений, – сказал Дефорд. – Стадо коров с колокольчиками прокралось бы мимо этой банды незамеченным. – Он одарил команду хмурой гримасой. Они нахмурились в ответ. Он знал, что опасно их унижать в минуту уязвимости, но ему было все равно. Они так его разочаровали. Он крикнул им: – Сами виноваты, что вас выпотрошили!

– Ну что вы, нет причин так орать, – заметил капитан Мадд. – Я уверен, ваши люди очень крепкие ребята. На самом деле в честном бою, я не сомневаюсь, нам пришлось бы от них удирать. И мы не собираемся опустошать вас подчистую. Нам нужно лишь немного вашего... вашего...

Пугало замолчало, наморщило лоб, и его глаза затуманились. Он внезапно сделался совершенно растерянным, как человек, который прислушивается к далекой музыке. Дефорд спросил себя: что за псих забрался на борт его корабля?

– Ром, сэр, – сказала женщина с механической рукой. – Они везут ром.

Филигранный узор на блестящей латунной оболочке ее конечности был достаточно хорош для женского медальона, но механизмы, проглядывающие в просветах между пластинами, сильнее всего напоминали черные внутренности локомотива.

– Да. Нам нужно немного вашего рома, – сказал Мадд, вновь сосредоточившись. – Также мы заберем всю еду, какая у вас есть. Потом летите своей дорогой. К вечеру будете в порту, получите деньги и напьетесь, и вся эта неудачная история превратится в смутное воспоминание.

– И не мечтайте, что вам заплатят! Плевать мне, что говорит этот грязючник... – Дефорд осекся и прищурился, когда ему пришла в голову мысль. – Мадд. Я слышал это имя раньше. Да. Да, я как-то раз встречался с одной твоей жертвой. Я купил ему выпить, потому что его история о тебе была такой занимательной. От нее вся пивная чуть поджилки не надорвала от смеха. Мадд-полупират. Мадд-клоун. Он сказал, что вы приблизились в облаке чаек, обвешанные рыбьими потрохами, а потом, воняя, как ведро с приманкой в июле, покрытые перьями, потребовали десятую часть его груза. Десятую! Что ты за расчетливый пират такой?

Женщина с латунной рукой фыркнула.

– Спасибо, мистер Уинтерс, – сказал капитан Мадд. – Теперь мы возьмем две бочки вашего рома, содержимое кладовой и любой черный порох, какой у вас есть.

– Вы ничего не говорили о порохе раньше, – возмутился Дефорд.

– Это было до того, как ты пожаловался на мою щедрость, – отрезал Мадд.

Позади них в палубу врезался гарпун. Со стороны кормы, мимо изгиба воздушной оболочки «Каирской гончей», спустился корабль. Появившееся судно было покрыто, словно бородавками, следами битв, времени и ремонта.

По тросу гарпуна пролетел шкив и звонко ударился о палубу. Капитан Мадд повернулся к экипажу «Каирской гончей».

– Джентльмены, чем скорее вы погрузите все на мой корабль, тем скорее я уйду с вашего, – сказал он.

Матросы в медвежьих шкурах повернули необычайно мрачные лица к своему капитану.

Амазонка сдернула цепь с шеи Дефорда, и тот, поправив белую простыню на плечах, выпрямился и принял самую достойную позу, на какую только был способен, хотя от ветра покрылся гусиной кожей и все еще не протрезвел.

– Хотели унижить меня? – обратился он к своим людям. – Что ж, у вас получилось. Но я унижен не потому, что стою здесь в простыне на корабле, где хозяйничает грязючник со своим гаремом. Нет, мне стыдно стоять рядом с вами. Вы будете посмешищем, если ублажите этого человека, если дадите ему хоть каплю рома, моего рома! – Дефорд бил себя по полуобнаженной груди. – Если в вас останется капля самоуважения или верности, вы не поможете этому человеку. Вы поддержите меня, вашего капитана. Вы бросите вызов этой несправедливости, или вам придется поискать другую работу.

Капитан Мадд ничего не сказал. Он улыбнулся, глядя на матросов, которых отчитывал Дефорд, в ожидании их решения. Ему не пришлось долго ждать.

В воздушных потоках, которые кружили у Башни, пираты встречались так же часто, как голуби. Многие достойные капитаны были вынуждены из-за мрачного поворота судьбы опуститься до пиратства в тот или иной момент. Некоторые вновь обрели совесть, как только состояние их финансов улучшилось. Конечно, другие – те, кто продолжал этим баловаться, – либо обрели вкус к такой жизни, либо не могли ее бросить. Были еще бесстыдные предприниматели, которые выбирали кровавую работу добровольно. Они считали себя своего рода экологической необходимостью: волками, которые прореживали слабых и старых на благо стада.

В любом случае пиратская жизнь таила в себе опасности. Богатые и могущественные кольцевые уделы регулярно отправляли боевые корабли патрулировать воздух пустыни. Из-за бесславия пиратским капитаном было легко стать, но тяжело удержаться на посту. Волчья репутация могла ослабить сопротивление жертвы, но еще она привлекала нежелательное внимание со стороны военных, стремящихся прославить собственное имя. Нередко выходило так,

что капитан, ставший героем песни или лимерика, отправлялся в вечность, получив смертельную рану. Можно было бы попытаться сохранить безобидный или сочувствующий облик, что и делал капитан Мадд, но такие тонкости часто оказывались выше понимания людей, которые зарабатывали на жизнь, болтаясь на конце веревки, привязанной к мешку с горючим газом.

По правде говоря, капитан Мадд и его пестрая команда были беззубыми волками. Их корабль «Каменное облако» представлял собой реликт. Их огнестрельное оружие было ненадежным в лучшие дни и декоративным – в худшие. У них имелась всего одна гарпунная пушка на носу, и ядрами она не стреляла. Если другой корабль решал атаковать, единственным разумным выходом было бегство. И бежать им приходилось неоднократно.

По словам «мистера Уинтерса», старпома и единственного опытного аэронавта среди них, предыдущий капитан «Каменного облака» занимался пиратством исключительно с помощью абордажной команды. Команда капитана Билли Ли из дюжины головорезов заставляла пухлое торговое судно врасплох, протыкала гарпуном, притягивала и одолевала, пока испуганные матросы все еще натягивали ботинки. Это был рискованный бизнес, и капитан Ли потерял и заменил многих воздухоплателей во время своего командования.

При Мадде «Каменное облако» могло похвастать экипажем из пяти человек, включая капитана. Их было слишком мало, чтобы хлынуть на чужую палубу, поэтому они приспособились ради выживания. Недостаток грубой силы они компенсировали изобретательностью.

У капитана Мадда был талант придумывать необычные способы набега на корабли. Команда, к ее чести, следовала диковинным указаниям не моргнув глазом.

Однажды они пробрались под покровом тумана на торговое судно и открыли на палубе бочку с растительным маслом. Естественное движение корабля равномерно распределило масло, и наутро они вторглись, обутые в ботинки на шипованной подошве, в то время как ничего не подозревающая команда беспомощно каталась туда-сюда, пытаясь не насадить друг друга на мечи. В следующий раз экипаж Мадда сбросил несколько фунтов гниющей рыбы на воздушную оболочку жертвы, а затем взял ее на абордаж посреди орды неистовых чаек. Однажды они попытались выдать себя за поврежденное судно, полное девиц в обмороке. Их потенциальные «принцы», которые ехали на барже с грузом очищенного табака, услужливо связали два корабля бортами и перешли на палубу «Облака», вооруженные графинами бренди, чтобы привести дам в чувство. Спасатели бросились к расprostертым на палубе бедняжкам – и «дамы» направили на них пистолеты, извлеченные из-под юбок.

– Правила ведения боя, – объяснил капитан Том Мадд разгневанному капитану, одуроченному уловкой, – изобрели люди, которые выиграли от них больше всего.

Это философское высказывание, возможно, вызвало бы больше уважения, не произнеси его мужчина в чепце с рюшами.

Взятие «Каирской гончей» оказалось сравнительно простой задачей. Они следили за кораблем с рассвета. Убедившись, что их приближение осталось незамеченным, перешли по веревочной лестнице на воздушную оболочку «Гончей» и спустились в гондолу по такелажу. Волета отвлекала команду, пока капитан и остальные не заняли выгодное положение. А потом надо было лишь чесать языком, что у капитана неплохо получалось.

Когда груз переместился с «Каирской гончей» на «Каменное облако», корабли разделились и разошлись.

Эдит позвала Адама, который стоял у руля на четвердеке.

– Полный вперед, пожалуйста. Давайте посмотрим, не получится ли снова отыскать юго-западное течение, что принесло нас сюда.

Адам повторил приказ и взялся за рычаг, который открывал вытяжную трубу, ведущую к нагревательному элементу в оболочке корабля. Непохоже, что «Каирская гончая» последует за ними, но, если так случится, Эдит хотела, чтобы солнце светило преследователям в глаза.

Волета наблюдала за удаляющимся кораблем, следя, не изменит ли он курс. Хотя она недавно спровоцировала толпу и ускользнула от нее, на лице девушки не отражалось никаких признаков беспокойства. Она балансировала на перилах и наклонялась над огромной пропастью, небрежно сжимая трос, заставляя своего брата Адама сильно нервничать. В поле зрения промелькнул гракл, и она отметила легкий изгиб его крыльев.

– Течение переместилось на запад, – сказала Волета.

– Сойдет, – решила Эдит.

Старпом повернулась к капитану Мадду. Тот стоял, прямой как дымоход, и смотрел на Башню, господствующую в небе. Эдит позвала его дважды, второй раз более резко, но ей не удалось нарушить его глубокий транс.

– Том, – сказала она, немного смягчаясь. Ее темные брови тревожно слились в единую суровую линию. Томас Сенлин снова сосредоточился на ней и улыбнулся. – Куда летим, капитан?

Он все еще чувствовал себя неудобно из-за формальностей, на которых настаивала Эдит. Она называла его «Томом» лишь наедине и просила, чтобы он звал ее «мистером Уинтерсом» перед командой. «Мистер» было титулом, достойным старпома, и это звучало разумно. Однако Уинтерс – фамилия мужа, с которым она рассталась и который отстранил ее от руководства фермой семьи, а потом отказался давать развод, когда она попросила. Сенлин не мог себе представить, с чего вдруг она захотела, чтобы ей постоянно напоминали об этом человеке.

В минуты спокойствия Сенлин вспоминал часы, которые они когда-то провели в клетке, привинченной к стене Башни снаружи. Они были напуганы неожиданной жестокостью Салона и смущены внезапным товариществом, рожденным из тяжелых испытаний. Но вместе с тем тогда они были друг для друга просто Томом и Эдит.

Казалось, это случилось давным-давно. Все произошло до того, как она потеряла руку и присоединилась к пиратской команде, до того, как он разминутся с женой на несколько часов, упустив шанс воссоединения, и украл сперва картину, а затем корабль.

Стоя перед Эдит сейчас, Сенлин не мог не изумиться тому, что их дружба пережила все эти перипетии.

– Думаю, отправимся в Вертун, мистер Уинтерс. У нас есть немного рома на продажу.

Действительно, выбор у них был небольшой. Вертун оказался единственной бухтой, которая не отвернулась от «Каменного облака».

– Так точно. – Она повернулась, чтобы передать приказ, но застыла. Подалась ближе, чтобы голос не разошелся далеко в безмятежной тишине. В отличие от моря, с его шумом валов, воем ветра и стуком волн о борт, воздух казался вполне спокойной средой. – Том, опять ты за свое. Пялишься в пустоту. – Когда в ответ он лишь нахмурился, Эдит продолжила: – Если я вижу, что ты отвлекаешься, экипаж тоже это видит. Это меня беспокоит. Уверен, что все в порядке? – Ее механическая рука, красиво облитая солнцем, отбрасывала на лицо золотые блики.

– Да-да, конечно. – Он положил руку ей на плечо. – Я всего лишь...

– Человек за бортом! – крикнула Волета с перил.

Они обернулись как раз вовремя, чтобы увидеть трепыхающуюся фигуру в белой простыне, которая падала с «Каирской гончей». Они были слишком далеко, чтобы услышать крик, если таковой и раздался, но от тишины зрелище лишь сделалось еще более зловещим.

Никто не сомневался в том, кем был упавший.

– Он был плохим капитаном, – прервала Ирен недолгие тихие размышления.

– А птица из него вышла еще хуже, – заметила Волета.

Глава вторая

Вместе с кораблем покойного капитана Билли Ли я также завладел его судовым журналом. Его дневник помог мне понять две вещи. Во-первых, чистописание не является приоритетом в начальных школах Башни. И во-вторых, я обеспечил нам тяжелую жизнь.
Судовой журнал «Каменного облака», капитан Том Магд

Вавилонская башня крутила и вертела ветрами, как ей хотелось. Сталкиваясь с ее неровной поверхностью, воздушные течения нарушались и меняли направление, словно волны у песчаной косы. К некоторым портам можно было подойти только в определенные часы и при благоприятной погоде. Другие опустели из-за небольшого сдвига в воздушном потоке, который сделал их недоступными. Воздушная навигация вокруг Башни требовала бесконечного пересмотра карт, пристального наблюдения за сигнальными устройствами и безграничного мужества.

И самое главное – для выживания в ветрах около Башни требовалась счастливая команда, а каждому ее члену для счастья требовался на борту уголок, который можно было бы назвать своим. Без этого воздухоплаватели ощущали себя загнанными в ловушку. Они препирались и ворчали. И так, каждый член команды «Каменного облака» подыскал себе особое местечко и удалялся туда, если позволяли обстоятельства.

Адам обосновался в главном грузовом отсеке, хотя проводил в нем мало времени. Там было темно, потолки нависали над головой, и обстановка в целом наводила на мысли о чреве кита. Юноша предпочитал потрясающий вид с приподнятого квартердека, предпочитал стоять у руля. Будучи прирожденным инженером, Адам мечтал однажды демонтировать и заново собрать корабль и его управляющие системы, сделать их лучше. Но пока что им приходилось полагаться на ветер, который большей частью и направлял «Каменное облако». Адам мог только перемещать корабль вверх и вниз, дросселируя нагревательный элемент и выпуская балласт из переднего бака, хотя это считалось крайней мерой: пополнять резервуар было утомительно и он к тому же служил команде ванной.

Ирен и Волета заняли кают-компанию. Еще недавно та служила казармой для дюжины матросов Билли Ли и оттого провоняла грязной обувью. Новые жилички принялись обустриваться: сорвали большую часть гамаков, проветрили помещение и выдраили каждый дюйм сладко пахнущим сосновым мылом. Старую одежду выбросили в иллюминатор, хотя Волета сохранила – и беспощадно прокипятила – несколько небольших предметов гардероба, которые можно было подогнуть под нее. Она пришла на корабль в шали поверх синего трико – наряда, который носила во время заточения в «Паровой трубе». Она пришила трико к стене каюты, где оно висело, как безголовая тень: напоминание о жизни, которая осталась позади.

Спальня Эдит, изначально штурманская рубка, была всего лишь чуланом, где гуляли сквозняки. Стены украшали старые сигнальные флаги из поблекшего флагдука² и поеденные тараканами карты. Она заняла это помещение, когда корабль находился под командованием Билли Ли, потому что только оно надежно запиралось. Первое время на борту «Каменного облака» она страдала от лихорадки и слабела от инфекции, которая в конечном счете сожрала ее руку. Старпом отказалась подробнее рассказать об этом испытании, и Сенлин не настаивал. Значение имело лишь то, что штурманская рубка уберегла Эдит, когда она была наиболее уязвима, и «мистер Уинтерс» очень привязалась к этой комнатке.

² Флагдук – специальная ткань, из которой шьются флаги.

Тот факт, что в комнату Эдит могла попасть только через большую каюту капитана, был неудобным, но терпимым во время командования Билли Ли. С точки зрения личных отношений Эдит была почти невидима для Ли. Прежнего капитана привлекали женщины другого рода: худышки, не обремененные здравым смыслом. Он считал ее «слишком мускулистой», и к тому же она была определенно старухой в свои тридцать пять. Это освободило его – что в каком-то смысле радовало – от необходимости соблюдать видимость приличий при общении. Его небрежная сдержанность и грубые манеры раздражали, но лучше было терпеть их, чем оказаться предметом его вождения.

Сенлина такой расклад тревожил куда сильнее. Ради уединения и благопристойности он предложил занять гамак в трюме, вместе с Адамом, но Эдит настояла, чтобы капитан спал в большой каюте. Команде, как она пояснила, требовались часы личного времени, чтобы ворчать, развлекаться и планировать мятежи. Это поднимало моральный дух.

Доводы забавляли Сенлина, однако он понял, почему она так настаивает: команда не смогла бы расслабиться, будь капитан все время рядом.

И потому, согласившись делить пространство, они выработали систему стуков. Два удара означали: «Я прохожу». То есть: «Я всего лишь воспользуюсь твоей комнатой как коридором. Нет необходимости отвлекаться от занятий, но лучше, если ты одет». Три быстрых стука означали: «Я хочу тебя навестить». А один сигнализировал: «Я собираюсь спать. Спокойной ночи».

Если точнее, не они создали этот словарь постукиваний. Это сделал Сенлин, чем вызвал у Эдит нешуточный ужас. Мало того что стуки были излишне сложным решением простой проблемы – можно было переговариваться через дверь, в конце концов, – они еще и казались раздражающе благородными. Эдит, по крайней мере, вспомнила тот момент, когда они спасались бегством в Салоне и Сенлин отказался помочь ей расстегнуть платье. Щепетильность директора школы едва не убила ее.

Но он не уступал, и просьба была пустяковой. Эдит согласилась, и с той поры они подсчитывали стуки.

Вечером, после того как они присвоили несколько бочонков рома с «Каирской гончей», Сенлин сидел за столом в каюте, изучая схему нижних уровней Башни, когда в наружную дверь постучали три раза. Вошла Эдит с оловянным кувшином в руке, и с нею ворвался порыв ветра.

– Совенок на вахте, – сказала она, подразумевая Волету. Склонность девушки лазать по такелажу заставляла всех нервничать, но делала ее отличным дозорным. – Я выдала Адаму и Ирен порцию рома.

– Полагаю, этим вечером уроков не будет, – сказал Сенлин, пощелкав языком.

Сбежав из порта, они с Ирен могли возобновить ее обучение и сперва так и поступили. Но с каждым днем возникали новые поводы для разочарования и отвлечения, так что занятия стали нерегулярными. Он подозревал, что вскоре они и вовсе прекратятся.

Эдит сняла с подставки два оловянных кубка:

– Ну, взгляни на это с ее точки зрения. До того как она встретила нас, у нее было стабильное жалованье, надежное питание и особым образом распланированные дни и ночи. Мы же с той поры, как удрали от Голла, постоянно влипаем в новые неприятности. Нам приходится лезть из кожи вон, чтобы выжить, чтобы не умереть от голода. И она вынуждена подыгрывать тебе в твоих странных интригах. Разве можно ее винить за нехватку терпения для книг в такое время?

– Ты в чем-то права. Полагаю, импровизация – сама по себе урок.

– Вот уж не думала, что директор школы окажется таким коварным.

– Совсем наоборот. Я развиваю способности, которые уведут меня все дальше от старой профессии.

– Поясни.

– Моя работа директора школы заключалась в том, чтобы научить детей думать как взрослые. По-видимому, их работа заключалась в том, чтобы научить меня думать как ребенок – ожидать, что все пойдет кувырком, что на стуле окажется кнопка, а в столе – ящерица.

– Они разыгрывали тебя? – Она налила ром и устроилась поудобнее, улыбаясь, представляя, как взвизгивал Сенлин, сев на кнопку.

– О, не просто разыгрывали! Некоторые из них были подлыми умниками. В самом начале моей карьеры кое-кто постоянно вынуждал меня выходить из себя...

Сенлин улыбнулся воспоминанию.

– Одним очень холодным зимним утром я, как всегда, пришел в школу пораньше, чтобы разжечь огонь в очаге. Но кто-то размешал угли, и они погасли. Я заподозрил розыгрыш, но подумал, что он какой-то беззубый. Я положил свежие дрова, но, когда заглянул в спичечный коробок, там оказались только голые палочки. Все спичечные головки пропали. «Ах, – подумал я, – вот в чем фокус! Кто-то испортил все мои спички». Я отправился в чулан за новым коробком и, когда вошел в темную комнату, наступил на заледеневшее пятно на полу. Я чуть не сбил все полки, когда упал.

Эдит прикрыла рот, смеясь.

– И вот я под впечатлением от грандиозного розыгрыша, – продолжил Сенлин, – влачу ушибленные колени обратно к очагу, держа в руке свежий коробок спичек, и пытаюсь понять, кто из моих учеников достаточно умен и хитер, чтобы придумать такой каскад трюков. Когда я подношу спичку, печь вспыхивает ярким пламенем, которое опалает мне брови. Это так пугает меня, что я отпрыгиваю и переворачиваю ряд парт.

– Кто-то положил спичечные головки под пепел?

– Да, она это сделала.

– Так ты знаешь, чья это работа?

– О, ум не в силах возобладать над восторгом. Когда они тем утром расселись по местам, мне всего-то и требовалось найти того, чьи глаза лучились довольством. – Сенлин забыл упомянуть, что симпатичная преступница в конце концов стала его женой.

– Рада, что дурное семя научило тебя чему-то полезному, – сказала Эдит, поднимая чашку. – За проказников.

– За проказников, – подхватил тост Сенлин.

В иллюминатор они видели, как темный силуэт Башни блистает огнями небесных портов, обсерваторий и крепостей богатых кольцевых уделов. Огни сияли, словно звезды на небосводе из древнего камня.

– Это странно, – проговорил Сенлин, чье настроение вдруг переменялось. – Я думал: когда заполучу корабль, все встанет на свои места. Я уж точно не собирался бросать школьные журналы ради пиратства. Я представил себе прямую линию событий. Думал, мы полетим в Пелфию, найдем мою жену, отвезем всех домой и на этом все закончится.

– Я могла бы тебе сказать, что на воздушных кораблях не существует прямых путей.

– Хоть убей, не пойму, как нам пройти через дверь. – Он постучал пальцем по уровню аэрожезла, названному «ПЕЛФИЯ».

Этот кольцевой удел располагался между двумя другими, весьма негостеприимными. Под Пелфией лежал Новый Вавилон, откуда они только что удрали и куда не собирались возвращаться. Над Пелфией – Шелковый риф, некогда огромный парк, которым совместно владели Пеллы и альгезийцы. Но сто лет назад Пелфия и Альгез вступили в череду горячих и холодных войн, и внутренние входы в Шелковый риф запечатали в обоих кольцевых уделах.

Итак, теперь единственный путь в Пелфию лежал через небесные порты. Сенлин узнал обо всем этом из небогатой коллекции воздухоплавательских историй, которую собрал Ли.

– Сперва я думал – мы сбежали из тюрьмы. Теперь мне кажется – нас выставили из дома... – проговорил Сенлин, в отчаянии лохматя волосы.

– Башню построили для того, чтобы держать таких, как мы, подальше от нее, Том. Мы пара лис, которые кружат возле курятника, надеясь добраться до курицы. – Сенлин бросил на Эдит неуверенный взгляд, и она рассмеялась. – Я не намекаю, что твоя жена – курица, Том. Просто иногда во мне проглядывает фермерская натура.

– Что ж, рад, что мы не выбили из тебя все фермерство подчистую. – Он покачался на стуле и закинул руки за голову. – Сегодня утром мне приснился мой старый домик. Он, наверное, ужасно зарос. Ставни висят наперекосьяк, в дымоходе поселились птицы. Или, может быть, городские власти его продали. Может, отдали новому учителю, которого наняли вместо меня. – Передние ножки стула опустились на пол с громким ударом, и мечтательное лицо Сенлина посуровело.

– Странно думать о том, как твоя прежняя жизнь продолжается без тебя.

– Так и есть, – согласился он, заново наполняя кружки. – Я переживаю, что упустил единственный шанс вернуться к той жизни. Я сожалею, что побежал за ней так опрометчиво и так рано. Это не было лучшим моим планом.

Он не вдавался в подробности. Они оба вспоминали катастрофическую попытку войти в Пелфию через публичный небесный порт.

По сути, в тот самый день и началась их пиратская жизнь.

Глава третья

По сравнению с тем, как сноровисто Адам и Воleta адаптировались к нашей новой жизни, моя акклиматизация была мучительно медленной. Если человечество когда-нибудь попытается колонизировать звездные острова, мы должны будем собрать команды из детей и самых юных поставить у руля.

Судовой журнал «Каменного облака», капитан Том Магд

После побега из порта Голла команда была в бреду от воодушевления. Они выскользнули из хватки Финна Голла, Родиона и Билли Ли. Они вернули себе свободу. Они сбежали из Башни. Так что все казалось возможным, даже отыскать единственную душу, которая затеялась в Башне почти год назад.

У Сенлина было несколько зацепок для поисков. Он знал, что торговец женами продал Марию аристократу из Пелфии по имени В. Г. Пелл. Пелл – фамилия правящей семьи Пелфии, и, предположительно, В. Г. был влиятельной персоной. Он также был связан с неким «Клубом талантов». В Пелфию, как известно, попасть трудно. Для этого требовалось быть богачом, аристократом или торговцем роскошью. Грязноногим туристам и обычным дельцам давали от ворот поворот без церемоний.

Вопрос о том, как подойти к Пелфии, осложнялся еще и тем, что Сенлин был в розыске. Он украл картину у комиссара Купален, злобного человека по имени Эммануэль Паунд, который собирал налоги под руководством Пеллов. Именно знамя Пеллов, черное с золотом, развевалось над военным кораблем Паунда – «Араратом».

Чтобы предотвратить немедленный арест при высадке в Пелфии, Сенлин взял псевдоним Том Магд и придумал план, позволяющий миновать охранников порта. Он решил сыграть торговца женами. Воleta изображала его подопечную, жену-на-продажу.

Поддавшись порыву, из-за которого его замучают угрызения совести потом, когда они будут голодать и давиться голубятиной, Сенлин потратил все до последнего гроша на платье для Волеты. Он купил его у человека, который называл себя торговцем, но с ног до головы выглядел распоследним пиратом. Сенлин старался не думать о судьбе предыдущей владелицы платья.

Юбка была пышной, с нижними юбками, вырез – низким, и все платье было бледно-желтого цвета, отчего лавандовые глаза Волеты смотрелись еще более сногшибательно.

Ей это жутко не нравилось.

Но акробатка была готова сыграть роль, если это поможет капитану, который ей нравился.

В попытке скрыть непритязательный внешний вид корабля, они развесили на перилах собранную Билли Ли коллекцию постельного белья. Ли, бесстыдный бабник, предпочитал яркие цвета и смелые узоры. Кое-что распоров и сшив, они превратили серое суденышко в пестрое пятно в небесах.

Добродетель, северный небесный порт Пелфии, выглядела роскошной и безукоризненной: позолоченные причальные тумбы; выкрашенные в белый погрузочные краны; будки караульных щеголяли чистыми шиферными крышами; полтора десятка пальм стояли в больших кадках вдоль пути к туннелю, который вел в город Пеллов.

В конце каждого причала стояли железные башенки высотой в восемь футов, которые Эдит называла оловянными солдатиками. Они походили на стоячие саркофаги, и можно было разглядеть человеческое лицо, выглядывающее через круглый иллюминатор в колоколообразной голове. Вместо обычного оружия у оловянных солдатиков имелась пара двадцатифунтовых пушек.

Сенлин начал сомневаться в тот миг, когда одетые в аккуратные униформы стивидоры поймали концы его обернутого в простыни корабля. У каждого портового работника на поясе висел пистолет, и двигались они как вымуштрованные пехотинцы. Добродетель была не портом, а крепостью. Если их маленькая шарада не сработает, их мгновенно схватят. Но слишком поздно убегать. Они должны разыграть свой гамбит.

Им не предложили трап, и никто из портовых рабочих не ответил на беззаботные приветствия Сенлина. Он почувствовал, что застрял на своем корабле, когда заметил человека в лейтенантском мундире, который вышел из караулки.

Лейтенант окинул взглядом происходящее, надел белую фуражку, поправил золотой галун на груди и неспешно направился в сторону «Каменного облака». Он устроил целый спектакль, по пути осмотрев сотню деталей: не смотанную до конца бухту троса, незаправленную рубашу грузчика, своенравную пальмовую ветвь. К тому времени как чиновник приблизился к их борту, Сенлин чуть не стер зубы до десен.

– С какой целью вы сюда прибыли? – Брови и усы лейтенанта были выщипанными, тонкими, отчего в лице проступало что-то колючее.

– Я капитан Том Мадд. Я пришел, чтобы предложить жену, достойную дворянина, – сказал Сенлин и, подкрепляя заявление, взмахом руки указал на угрюмую Волету в желтом платье.

– Какого дворянина?

– Разумеется, того, который проявит наиболее искренний интерес.

– Нет-нет, этого недостаточно, – ответил офицер с таким сухим смешком, что он прозвучал как кашель. – У вас есть рекомендательное письмо или приглашение?

– Нет. – Сенлин нацепил бесцеремонную улыбку. – Ветер представляет меня, а Фортуна приглашает.

– Какая незадача! – сказал лейтенант, и это слово показалось неким кодом, потому что стивидоры побросали тросы «Каменного облака» и начали устрашающе упорядоченное отступление. Они не останавливались, пока не оказались за строем неповоротливых оловянных солдатиков.

Сенлин счел это плохим знаком. Лейтенант демонстративно изучил украшения судна.

– С парада явились, да? – Его брови-колючки приподнялись от веселья.

– Всего лишь пытаюсь произвести впечатление, – сказал Сенлин.

Изучающий взгляд лейтенанта поднялся к широким юбкам Волеты, тонкой талии и обнаженным золотистым плечам.

– Разумеется, если вы перепоручите свою подопечную мне, уверен, мы сможем произвести благоприятное впечатление от вашего имени.

Сенлин хмыкнул:

– Не знаю, как у вас заведено в этом провинциальном уделе, но там, откуда я родом, деловые люди не дарят свои товары. Куда я, туда и моя подопечная.

– А откуда вы? Это должен быть какой-то очень изобретательный край. Может, удел за Воротником? Лунная колония? – С лица офицера исчезли все намеки на веселье. – Оставь девушку, и я позволю тебе сохранить корабль.

Не успел Сенлин сочинить отповедь, как Волета запрыгнула на балюстраду, задрала юбки и начала танцевать. Она балансировала на одной ноге и качала другой, согнув ее в колене. Пышные нижние юбки цвета резаной капусты неистово хлопали.

– Поцелуй меня в пятку, тупица рябой! – крикнула Волета.

У лейтенанта сделался такой вид, словно он получил пощечину.

Эдит, которая наблюдала за развитием ситуации с периферии, заметила, как оловянные солдатики повернули пушки к «Каменному облаку». Она тайком просигнализировала Адаму, проведя рукой поперек горла, и со всей возможной небрежностью ухватила летающие юбки Волеты.

Адам у рулевой консоли взялся за рычаги. Балластный резервуар распахнулся, выпустив поток воды, который затопил порт и чуть не смыл лейтенанта за край. Топка взвыла, когда клапан регулятора открылся и корабль встал на дыбы, как испуганная лошадь. Волету бы вышвырнуло за борт, если бы Эдит не дернула ее назад, разорвав при этом юбку.

От такого маневра Сенлин упал на колени. Корабль вошел в новое течение, которое потащило их в сторону. Такелаж завизжал. Ирен, стоявшая на лестнице полубака, рухнула на ограждение правого борта, которое треснуло, но чудесным образом не сломалось. Звук выстрелов отразился от Башни за долю секунды до того, как пушечное ядро пробило угол палубы, осыпав их градом щепок и напугав до зубовного скрежета. Шелковая оболочка начала деформироваться в нижней части – верный признак того, что они теряли газ.

Сенлин увидел дыру в аэростате и на миг настолько ужаснулся, что страх показался эйфорией. Они вот-вот должны были упасть с неба, как подстреленная птица.

Но у него на глазах прореха запечаталась сама, как будто какая-то вторая кожа, какая-то внутренняя мембрана прижалась к месту разрыва.

Через мгновение они оказались вне досягаемости оловянных солдат Добродетели, и шквальный огонь резко прекратился.

Они поднялись на спокойном течении. Корабль казался почти неподвижным. Небо было безмятежным. Сенлин встал, охлопал себя в поисках пятен крови или торчащих костей, но не обнаружил ни того ни другого.

– Вот это повезло, – сказал Сенлин, дрожащими руками поправляя манжеты. – Воздушные шары обычно не латают сами себя, не так ли?

– Нет, – сказала Эдит, преклонив колени, чтобы осмотреть дыру с рваными краями, которая зияла в правом борту корабля. – Волета, Ирен, уберите эти нелепые простыни с нашего судна.

Сенлин свежим взглядом осмотрел серый аэростат над головой.

– Самозапечатающаяся оболочка. Замечательное приспособление для такой баржи.

– Одно из изобретений Сфинкса. Билли Ли его выторговал. – Эдит встала и пнула часть разбитой палубы в пропасть.

– А чем заплатил?

– Рукой, – сказала она.

После случившегося у них не осталось выбора. Такой маленькой команде на таком скромном судне никто не предлагал честную работу. Каждый порт, куда они приближались, гнал их прочь, как муху со стола. Они прибегли к пиратству, чтобы не умереть с голоду.

Сенлин потягивал ром и щурился от воспоминаний.

– У нас неплохо получается убежать.

– У нас очень хорошо получается вляпываться в такие ситуации, когда убежать необходимо, – уточнила Эдит. – Знаешь, мы могли бы захватить новый корабль с настоящими пушками и, возможно, более крепким корпусом, – продолжила старпом, вертя чашку в руке. – Не будь мы такими добросовестными пиратами, могли бы...

– Эдит, я не хочу возвращаться к этой теме. Мы не можем погубить невинных воздухоплателей, чтобы решить свои проблемы. Если бы нашего оснащения хватало, чтобы захватить боевой корабль Пеллов или другое пиратское судно, я бы согласился. Но его не хватает, и мы не допустим жертв среди честных людей. Мы не такие.

– Мы именно такие. Нравится тебе это или нет, но мы пираты. Слова «пожалуйста» и «спасибо» этого не изменят. Нельзя быть немножко дьяволом, нельзя быть джентльменом-грабителем. Можно быть лишь сильным или слабым, старательным или мертвым. Ты слышал, что сказал тот пьянчуга-капитан. О нас ходят слухи, Том! Как скоро какой-нибудь честный человек решит, что мы не такие умные или ужасные, какими кажемся? Как скоро нам дадут отпор?

– Я не стану взбираться выше в иерархии самодовольства, Эдит. Такие решения меняют человеческую природу. Безвозвратно. Посмотри на Волету. Мы не говорим об этом, но я уверен, что ты заметила. Она твердеет. Она становится безжалостной и безрассудной.

– Она молода.

– Человека бросают за борт, а она шутит, что он плохая птица.

– Я с ней поговорю.

– Мы можем бухтеть сколько угодно, но факт есть факт: я пустил в ход трение, от которого появилась мозоль. Это моя вина. Я капитан и потому отказываюсь обрабатывать напильником остатки ее совести, выбирая для нас путь убийства! Если каким-то сказочным образом я найду жену, мне все еще хочется верить, что она не увидит во мне незнакомца. – Его голос задрожал от пыла, и он оборвал речь резким кашлем. – Прости. Я немного перестарался.

Эдит, которая уже собралась откинуться назад, снова поставила локти на стол.

– По крайней мере, ты не погружен в мрачные раздумья. Споры я вытерплю; мне ненавистно смотреть, как ты тарачишься в пустоту.

Она провела по боковой части механической руки, вдоль выгравированной арабески, отыскивая потайную защелку. Ухватила ее ногтем, и выдвинулся маленький ящичек, выбросив в ладонь стеклянный флакон. Рука выпустила струйки пара и тяжело упала на стол. Эдит поднесла флакончик к лицу и увидела, что он еще наполовину полон светящейся красной сывороткой. Удовлетворенная, она вставила батарейку обратно.

Сенлин много раз наблюдал этот вечерний ритуал, но знал, что его не стоит комментировать. Любой наводящий вопрос по поводу руки, топлива или таинственного Сфинкса, который ее сделал, всегда вызывал настороженное молчание.

Она допила ром и искренне улыбнулась Сенлину:

– Том, а ты не спрашивал себя: а в ту ли дверь мы стучимся? Ты уверен, что твоя жена в Пелфии?

– Не уверен, – признался он. – Я гоняюсь за слухами и догадками, но это все, что у меня есть.

– Конечно, – сказала она. – Я с тобой. Команда с тобой. Ты был с нами, и поэтому мы будем с тобой. – Она встала и один раз стукнула по столу. – Я собираюсь лечь спать. Спокойной ночи, капитан.

– Спокойной ночи, мистер Уинтерс, – сказал Сенлин со слабой улыбкой.

Когда дверь в штурманскую рубку захлопнулась, он наконец повернулся к женщине в белой ночной рубашке, которая сидела на его кровати в течение последнего часа. Она состроила ему детскую гримасу, как гуппи в аквариуме, затем поднесла щетку к темно-рыжим волосам. Она напевала, распутывая узлы.

Сенлин зажмурился.

Он устроил ловушку для Комиссара в рамках плана побега из порта Голла. Он набил ящик наркотиком под названием белый кром, ожидая, что Паунд и его люди свалятся в конвульсиях, когда его откроют. Но Сенлин угодил в собственную ловушку. Он вдохнул чудовищную дозу – и появилась она.

Мария не выглядела галлюцинацией. Ее фигура не была прозрачной, как отражение в зеркале, которое можно изгнать, погасив лампу. Она не сияла, не мерцала и не говорила глухим и глубоким голосом, не имела других вычурных привычек, свойственных призракам. Она выглядела вполне реальной, что, конечно, только ухудшало положение Сенлина.

Он ожидал, что она исчезнет, как только действие наркотика подойдет к концу. Он не сказал ни Эдит, ни команде о дозе или привидении, потому как не хотел их беспокоить и еще надеялся, что его страдания долго не продлятся. Но прошло несколько месяцев, а она все продолжала мучить его. Она была как ребенок, которого можно утешить только вниманием – вниманием, которое он отказывался уделять, опасаясь поощрять ее. Она пела и моталась туда-

сюда, не успокаивалась, и он игнорировал все это, насколько мог, хотя невозможно было полностью отвлечься. Иногда она исчезала на несколько часов или полдня, если ему везло, но как только он начинал думать, что вылез из нее, она появлялась и вновь начинала его донимать.

Хуже всего было, когда она с ним говорила. Он ненавидел, когда она говорила, потому что в этом отношении видение не было похоже на женщину, которую он любил и на которой женился. Призрак был злым, подозрительным, мелочным и проворно давал самые обескураживающие советы. Он чувствовал себя скованным узами с воплощением собственных сомнений.

Сжимая пустую чашку, он открыл глаза. Видение никуда не подевалось и наблюдало за ним с кровати.

Она отложила щетку в сторону и опустила руки на покрытые колени, как будто собиралась обратиться к ребенку.

– О Том! Дорогой, дорогой Том, – сказала она. – Ты не знаешь, что делаешь. Ты не имеешь ни малейшего понятия.

Проигнорировав видение, Сенлин лег на кровать и достал этюд, изображающий Марию. На картине она сидела в окружении орхидей на террасе студии Огьера. Похожие на светлячков лучи света Купален испещрили ее голую кожу. Выражение ее лица казалось нежным и смелым одновременно. Сенлин хотел погрузиться в картину, сделаться частью сцены. Он поднес икону к губам и поцеловал складки и выступы, оставленные кистью художника.

Видение Марии ухмыльнулось ему от подножия кровати.

– Ты такой же заблудший, как и я, – сказала она. – И когда твоя милая маленькая команда все узнает, они проверят, хорошая ли ты птица.

Глава четвертая

Доверие – это мышца, которая лучше всего работает рефлекторно.

Судовой журнал «Каменного облака», капитан Том Мадд

Вертун был совсем не похож на обычный порт. Он не был связан ни с каким кольцевым уделом; он не крепился ко входу; он никуда не вел. Он цеплялся за Башню, как кокон мотылька цепляется за ствол дерева, и, в точности как гардеробная, из которой мотылек вылетает крылатым, Вертун выглядел весьма непритязательно.

Джумет, бродячий поэт Башни, описал Вертун в третьем томе своего «Пиетета» как напоминающий «сломанную гармошку, / что висит на столбе в поле / и годами гниет себе потихоньку».

Длинная хаотичная конструкция включала несколько этажей, и комнат в ней было столько же, сколько в городском многоквартирном доме. Тысячи рук и полдюжины поколений соорудили ее из мусора и обломков. Нигде в ее анатомическом строении не нашлось бы ровной перекладины или двух одинаковых балок. Вертун не имел нормального фасада, его заменял единый, непрерывный гобелен. Эта шерстяная обертка, натянутая на деревянную раму, делала всю конструкцию чахлой и хрупкой с виду.

Узор на гобелене Вертуна был замысловатым и беспорядочным: пиктограммы, символы и метки располагались густо и под любым углом. Это напоминало Сенлину старого татуированного моряка.

Во время предыдущих визитов он провел несколько часов, изучая странный код, которым был испещрен гобелен, но так и не вник в смысл.

Причудливая обертка иногда обманывала новичков, вынуждая их думать, что Вертун – цивилизованное местечко. Ничто не лежало дальше от истины. Это был опасный порт, полный торговцев-нелегалов, стареющих блудниц и наемников, ищущих грязную работу. Разумеется, у него были практические достоинства: человек мог продать награбленное, наполнить кладовую, напиться и найти желанного спутника – все в нескольких минутах ходьбы. Но факт оставался фактом, каждая сделка предполагала, что тебя могут обмануть или пристрелить.

Бухта была слишком шаткой, чтобы удержать якорь, поэтому посетителям приходилось швартоваться вдоль большой трещины в Башне, пересекать зазор между кораблем и выступом и совершать опасный поход в порт пешком. Падать было далеко. Вывалившись из трещины, какой-нибудь несчастный получал целых семь секунд, чтобы задуматься о своей жизни, чей конец стремительно приближался.

У Ирен обнаружился талант находить в песчанике такие места, где гарпун застревал сразу и накрепко. Сегодня получилось пришвартоваться с первого выстрела, и корабль не выдернул якорь, когда Адам сбросил балласт, чтобы натянуть трос. Убедившись, что он выдержит, Ирен пересекла зазор с помощью шкива с ручками. Волета последовала за ней, но без каталки, цепляясь за трос руками в перчатках. Адам не мог на нее смотреть, убежденный, что трос может в любой миг перетереть кожу. Но Волета была легкой, и она гасила скорость, зажимая трос каблуками ботинок. Когда обе дамы надежно устроились в трещине, Адам прикрепил две бочки рома к шкиву и отправил груз следом за ними.

– Собираешься проверить, есть ли у твоего приятеля идеи о том, как потихоньку пробраться в Пелфию? – спросила Эдит Сенлина.

– Он вряд ли «приятель», но да. Я на это намекнул в прошлый раз, но он сделал вид, что не понимает. Может, я смогу подразнить его, предложив немного денег.

– За ром я бы взяла не меньше двадцати шекелей. Это не какое-нибудь пойло, – сказала она. – Это может быть лучшее, что бухта видела за целый год.

– Согласен.

– Я хочу остаться на корабле, – заявил Адам так быстро, что стало понятно: он какое-то время боролся с собой, стремясь заговорить. Сенлина и Эдит его слова застали врасплох, и Адам принялся выдвигать доводы: – Если бы у меня был хоть один выходной, я бы мог разобрать консоль и выяснить, что скрывается за неработающими рычагами. – Он открыл решетку топки и размешал угли. Излишнее действие, но ему было трудно смотреть Сенлину в глаза.

Эдит поджала губы и взглянула на капитана в ожидании ответа.

Просьба Адама была достаточно разумной, и Сенлин собирался сказать: «Да».

Но тут вымышленная Мария развернулась в проеме большой каюты и изгнала эту мысль. На ней был красный пробковый шлем, который закрепился в его памяти. Ее ботинки для верховой езды и белая блузка выглядели до нелепости изысканно на покрытой оспинами палубе корабля.

– Не глупи, Том, – сказала Мария, заправляя темно-рыжие волосы под шлем и направляясь к нему. – Глупо опять верить этому мальчишке.

Эдита кашлянула.

Сенлин понял, что смотрел в пустоту. Он ущипнул переносицу, прикрывая глаза ладонью. Попытался восстановить первоначальный ход мыслей. Он теперь стал очень рассеянным; вечно гонялся за какой-нибудь идеей.

Беда в том, что на этот раз Мария была в чем-то права. Адам уже дважды предал его, и, хотя причиной было желание защитить сестру, факт остается фактом: парень ненадежен. Если Адам останется в одиночестве, что помешает ему позвать Волету, улететь с нею и бросить остальных? Если вера Сенлина в молодого человека будет предана в третий раз, винить в этом придется не Адама.

Но справедливы ли его подозрения? Сейчас Волете ничто не угрожало. Разве нельзя довериться парнишке хотя бы в хорошую погоду? Это разумный риск, ну в самом деле, и он мог бы помочь возродить былую уверенность Адама. За недели, прошедшие после их побега, он сделался таким робким.

Сенлин открыл глаза, чтобы вынести вердикт, и увидел Марию – она прижимала свой нос к его собственному. В тени ее глаза казались темными.

Он поморщился и вздрогнул, не успев взять себя в руки. Она исчезла в тот же миг. Эдит и Адам смотрели на него с беспокойством.

– Чихнуть захотелось, – нескладно соврал он.

Эдит нахмурилась и повернулась к Адаму:

– Штурман не должен оставаться на корабле. Это привилегия старпома.

– Но ведь так не должно быть, – сказал Адам, от отчаяния поднимая голос.

– Забавный способ говорить «да, сэр», воздухоплаватель, – отрезала она.

– Да, сэр, – хмуро отозвался Адам.

Он поднял монокль в резиновой оправе, который висел у него на шее, и устроил поверх единственного глаза. Половинчатые защитные очки-гоглы были его собственным изобретением, и в этом приспособлении для циклопа и с повязкой на втором глазу он выглядел немного невменяемым, но гордым, – словом, очки благотворно влияли на его чувство собственного достоинства.

Как только Адам сошел с корабля, Сенлин повернулся к Эдит:

– Прости. Я просто тщательно обдумывал ответ.

– Можешь прихватить масло для моей руки? – одновременно с Сенлином спросила она.

– Я собирался сказать: «Да».

– Но не сказал ничего. В этом-то и проблема. Что мне делать, если ты превратишься в горгулью во время настоящего бедствия? Ждать, пока оттаешь; ждать, пока все «тщательно обдумаешь»? – От досады ее щеки зарумянились. – Мы все ждем, капитан. Но ждать вечно не получится.

Сенлин открыл рот, но она перебила его:

– Пожалуйста, не забудь про масло.

К Вертуну вела глубокая кривая трещина. Некоторые участки были узкими, как полка, другие – широкими, как проселочная дорога. Местами край недавно обсыпался, намекая на неудачный инцидент. Основная часть пути была гладкой после многолетнего использования, хотя от этого не делалась безопаснее.

Земля не переставала раскачиваться под командой «Каменного облака», пока они изо всех сил пытались восстановить сухопутную походку. Им пришлось бороться с желанием упасть на колени и ползти на четвереньках.

Кроме Волеты. Она понеслась вперед, порывистая, как горная лань.

С высоты утеса рынок на крыше выглядел достаточно мирным. Выбеленные солнцем навесы теснились у края палубы. Толстяк-органист играл веселую мелодию, а женщина пела хриплым фальцетом. Воронка крачек кружилась и устремлялась вниз, ныряя за обедками. В воздухе витал теплый аромат табака и мяса, которое было так сильно приправлено, что могло сойти за благовоние.

Это было приятное зрелище. Вертун в каком-то смысле сделался их родным портом.

Они спустились на пол рынка и попали в метель перьев, которые бросала старуха, сновисто ощипывая голубя. В ларьке позади нее висела жалкая коллекция ощипанной птицы.

На рынке продавалось все необходимое, хоть оно и не бывало никогда в очень хорошем состоянии. Будь то заклепка, чайник или щипцы, кузнечное железо всегда оказывалось ржавым. У продавца одежды было много рубашек и брюк различных нечеловеческих размеров. Врач с синей кожей продавал мощный тоник, который, по его словам, должен был вылечить все, от подагры до огнестрельных ран, без единого побочного эффекта – кроме небольшого (и привлекательного!) посинения. Все было гнущее, разъеденное коррозией, залатанное и неправильно подобранное. Но для человека без страны рынок был садом наслаждений.

Как только они начали протискиваться через толпу карманников и лоточников, Волета бросилась прочь без предупреждения или объяснения. Она нырнула под поднос с утилем – петлями и гвоздями, – испугав продавца. Он замахнулся на нее, но девушка протиснулась под заднюю занавеску ларька и исчезла.

Никто не удивился, увидев, как она убегает, и меньше всего Адам. Тем не менее он счел нужным поворчать о ее безрассудстве. Эти жалобы стали частью ритуала швартовки: они приходили в порт, Волета исчезала и Адам клялся, что в следующий раз привяжет ее к себе веревкой, как поступали безнадежные туристы на Рынке. Все прекрасно знали, что у него больше шансов надеть поводок на угря.

Продать ром было легко. Алкоголь всегда был в дефиците, поэтому справедливая цена требовала лишь небольшой дегустации и торга. Сенлин продал обе бочки одноному покупателю, а затем они с командой собрались тесной группкой. Он дал Ирен и Адаму десять шекелей, чтобы купить запас еды на корабль, и еще три шекеля, чтобы потратить в пивной после покупок. Один шекель был для Волеты, если она решит вернуться. Они согласились вновь собраться на «Каменном облаке» через несколько часов.

Сенлин с радостью оставил шумные запахи и крики рынка позади. Он спустился по общественному пандусу на нижние этажи, где портовый шерстяной «чехол» окрашивал солнечный свет в красивый оттенок охры. Пандус изгибался вдоль гобелена, изредка разветвляясь и уводя в камеры, где сурового вида люди пили, играли в кости и пели песни с детскими мотивами и

непристойным содержанием. Комнаты разделяли висячие ковры из толстого войлока. Сплошные стены и двери здесь были неслыханным делом. Стоило только захотеть, и он мог бы украдкой пробраться в любое помещение в бухте.

Женщины с наруганными щеками и насурьмленными глазами околачивались возле клетушек с дверьми-пологами размером не больше гардероба. Они носили объемные грязные кринолины, драный тюль и потертые кружева. Эти платья, которые должны были вызывать воспоминания о некоем лучшем обществе, о высшей добродетели, только делали их более жалкими, как мертвые цветы, возложенные на свежую могилу.

Дамы следили за Сенлином, ожидая от него признаков заинтересованности. Он поднял воротник и прибавил шагу.

Гобелен не препятствовал ветру. Он тек большими и малыми потоками, отчего коридор пульсировал, как сердце. Видение Марии привело его вниз. Она оглянулась на него через плечо и улыбнулась, когда увидела, что он все еще там, словно он следовал за ней, а не наоборот. Он старался не связывать это видение с бедняжками в переулках или сладким воспоминанием о жене, потому что стоит лишь однажды позволить фантому стать звеном между памятью и страхами – и следом, несомненно, придет отчаяние.

Единственным человеком в Вертуне, к которому Сенлин испытывал теплые чувства, был Арджуна Бхата. У Арджуны была кожа цвета крепкого чая, яркая, как свеча, улыбка и неисправимая склонность к шуткам. Он рано полысел, но сохранил больше юношеской энергии и оптимизма, чем сам Сенлин. Эти черты характера год назад отпугнули бы директора школы, но теперь они, несомненно, его привлекали.

Магазин Арджуны Бхаты занимал весь нижний этаж Вертуна. Пространство было завалено безделушками, антикварными штучками и мебелью загадочного назначения, собранными со всех кольцевых уделов Башни. Среди всех этих диковинок лежали катушки с пряжей, мотки пряжи, маленькие гнезда из пряжи попадались под ногами, под стульями и в каждом укромном уголке. Сенлин нередко удивлялся этому изобилию пряжи, однако то была лишь одна причуда из многих. Этаж был весь в таком несуразном беспорядке. С первого же взгляда Сенлин увидел трон из оленьих рогов, ржавый гонг, безрукую статую юноши с тошнотворной улыбкой и трагичного вида куклу с шевелюрой из кукурузных рыльцев и без глаз.

Мария – которой на самом деле там не было – коснулась щеки уродливой куклы.

– Разве это не ужасно? – спросила она. – Если бы у нас был ребенок, я думаю, он был бы таким же вот нелюбимым и преследовал бы нас до конца жизни.

Сенлин вздрогнул и снова поежился, когда Арджуна обогнул башню из оттоманок и хлопнул в ладоши в знак приветствия:

– Том Мадд! Как поживаешь? Тебе холодно? С чего вдруг? Здесь почти как в таджине! Знаешь, что такое таджин? Это посуда, вот такой формы. – Он нарисовал фигуру в воздухе. – Простые люди используют его, чтобы превратить еду в пудинг. Можно положить камень в таджин, и получится желе. Ты заболел?

– Просто мимолетная дрожь, – сказал Сенлин, пожимая руку Арджуны.

– За многие годы я разработал теорию о том, что вызывает дрожь в теплой комнате. – Арджуна прищурился, и у Сенлина екнуло сердце – ему показалось, что купец каким-то образом обнаружил истинную причину его содрогания. – Нечистые помыслы. Хм? Да-да, не стоит отрицать, Мадд. Это естественно, когда встречаешь такую красоту... – он погладил круглую щеку безрукой статуи, – и чувствуешь прилив страсти. – Арджуна положил руку ему на грудь и изобразил биение сердца: – Пум-пум! Пум-пум! Вся кровь приливает к груди, а конечности замерзают, отчего и дрожишь. Нет? Не в настроении шутить? Прости, ничего не могу поделать с собой. Я пьян от одиночества. Что я могу сделать для тебя, друг?

– Масло, – сказал Сенлин, пытаясь хоть немного проникнуться веселым настроением Арджуны, пока Мария мелькала где-то на краю поля зрения. – Что-нибудь для хороших шестеренок.

– У меня есть именно то, что нужно. – Арджуна перегнулся через островной прилавок так, что чуть сандалии с ног не свалились, и достал стеклянную баночку. – Для тебя – четыре пенса.

– Для остальных, полагаю, два, – заметил Сенлин с кривой улыбкой.

– Если пришел меня ограбить, надел бы маску! – Арджуна вскинул руки. – Ладно. Три пенса.

Сенлин заплатил, сунул баночку в карман, но не торопился уходить. Он замер, как будто превратился в еще один несуразный предмет обстановки.

– Я, конечно, рад твоему визиту, Мадд, – проговорил Арджуна с некоторой осторожностью. – Но этот пустяк можно было купить где угодно. И потому я задаюсь вопросом, уж прости, – не хочешь ли ты чего-то еще?

– Полагаю, да. Мне нужно... наставление. Я уже упоминал Пелфию.

– Помню. Это место, куда ты хочешь попасть?

– Да. Но порты... скажем так... не спешат меня приветствовать, – проговорил Сенлин с усилием. Ему было неприятно делиться столь многим, пусть даже с человеком, который всегда был с ним дружелюбен. Говорить здесь о своих делах всегда было рискованно, особенно если за твою голову почти наверняка назначена награда. Но Сенлин зашел в тупик и не имел ни влияния, ни богатства, ни знаний, чтобы его преодолеть. У него не было выбора. – Ты не знаешь, где я могу достать рекомендательное письмо, приглашение или... убедительную подделку?

Арджуна рассмеялся, но остановился, увидев, что смеется в одиночестве. Он откашлялся.

– Прости меня. Довольно большой скачок от баночки с маслом к подделке, тебе не кажется? У меня нет ничего подобного. И будь осторожен с теми, кого об этом спрашиваешь. Я знаю двадцать человек, которые продали бы тебе плохую фальшивку, чтобы тебя застрелили.

– Ценю твою честность.

– Пелфия – недружелюбное место, Мадд. И даже хуже, я думаю. Мне жаль, что у тебя возникли такие неприятности, но я не знаю, чем помочь. Мои познания о мире... – он взял шлем из слоновой кости, вырезанный таким образом, чтобы напоминать вьющуюся шевелюру, надел нелепую штуку и улыбнулся, – в основном, бесполезны. Моя мать говорит, что счастье – это симптом невежества. – Он пожал плечами, снимая «парик» из слоновой кости. – Я очень счастлив.

– А ты знаешь кого-нибудь, кто несчастен?

– О, моя мать. Она весьма несчастна, – просиял Арджуна.

Сенлин улыбнулся в ответ:

– Возможно, она сможет мне помочь. Где она?

– Здесь. Она больше нигде не бывает. Всегда слишком занята, чтобы уйти.

– Она здесь? Где?

– Мужчины приходят поговорить с ней, мужчины вроде тебя. Она ведет учет многих вещей. – Арджуна задумчиво прикусил нижнюю губу. – Но она сложный человек. С такими матерями друзей обычно не знакомят.

Сенлин был настолько очарован беспокойством Арджуны, что почти смог проигнорировать Марию, когда она прыгнула на прилавок между купцом и коническим черепом гигантского муравьяда.

– Берегись людей, которые называют тебя другом, – нараспев предупредила она.

Переведя дух, Сенлин устремил на Арджуну пристальный умоляющий взгляд:

– Если твоя мать согласна встретиться, я бы очень хотел поговорить с нею.

Арджуна искал в глазах Сенлина намек на сомнения, но обнаружил лишь решимость, и его лицо помрачнело, а свеча улыбки погасла.

– Ладно. Но я предупреждал тебя, Мадд.

Арджуна взмахом руки велел Сенлину обойти прилавок и показал ему люк в полу.

– Ты держишь свою мать в подвале? – удивился Сенлин, которому было совестно, что он полностью вышиб из торговца шуточный настрой.

Ухмылка тронула щеку Арджуны.

– Ты все перепутал. Она держит меня на чердаке, – сказал он и обеими руками открыл люк.

Сенлин заглянул в комнату. Он увидел только воздух и далекую землю в нескольких тысячах футов внизу. Он встревоженно поднял взгляд, и в его ушах прозвучало предостережение Марии: «Берегись людей, которые называют тебя другом».

Но Арджуна не собирался толкать его в люк. Он выглядел обеспокоенным и немного грустным. Ветер накинута на них, всколыхнув белую куртку Арджуны и развевающийся темный сюртук Сенлина. Лишь тогда он увидел лестницу, а ниже – несколько перекрещивающихся досок, образовавших куцую площадку.

– Моя мать очень проницательна, и у нее нет чувства юмора. Я всегда считал ее страшной. Что бы ты ни делал, не лги ей.

– Я буду... в смысле – я не буду, – сказал Сенлин и, присев на край отверстия, потянулся мыском ботинка к первой ступени.

Он как будто забирался в пропасть.

– Ты поступаешь очень мудро, – сказал Арджуна. – Но это сделает тебя очень несчастным.

Глава пятая

В пиратской бухте нельзя ступить и шагу без того, чтобы к тебе не пристал какой-нибудь шарлатан, обещаая сокровища. Впрочем, я полагаю, есть нечто утешительное в том, что рисование и продажа карт с сокровищами способны обеспечить надежный заработок. То же самое можно сказать о написании путеводителей.

Судовой журнал «Каменного облака», капитан Том Мадд

Адамс Борей никогда раньше не был ни в ресторане, ни в старомодной деревенской таверне, ни в городском кафе. Такие заведения – помимо того что там подавали пиво без осадка и горячую пищу – имели, как правило, звучные и запоминающиеся названия вроде «Резвящейся Минервы», или «Позолоченного крана лорда Уимбли», или какой-нибудь другой благородной ерунды. У пабов, которые обслуживали его, были грубые описательные названия или только картинки на дощечке, чтобы неграмотные простолюдины могли легко их идентифицировать.

И потому, невзирая на тусклый свет, вонь и неровные скамейки, Адам чувствовал себя как дома в «Уродливом ковре». Под ногами лежал пресловутый ковер, пестреющий табачными ожогами и пятнами от пива. Постоянный сквозняк просачивался сквозь гобеленовые стены, бесконечно перемешивая слой красной пыли, которую задуло из долины, и теперь она покрывала все.

Всякий раз, когда новый посетитель входил в пивную, владелец выкрикивал правила заведения, методично расставляя ударения: «Черная метка за убийство; черная метка за неоплаченный счет». Если среди собравшихся царило оживление, они подхватывали хором: «Черная метка за убийство! Черная метка за неоплаченный счет!» На любого, кто получил черную метку, могли напасть толпой и повесить за шею, если он когда-либо проявит достаточное безрассудство, чтобы снова посетить Вертун. Черная метка была единственным законом, и даже закоренелые преступники уважали его.

Покупки не заняли много времени. Их деньги ушли быстро, и порт мало что мог предложить. На столе стояли два ящика с продуктами. Чечевица, картофель, лук, морковь и яблоки лежали в одном, а в другом – банка растительного масла и бумажные мешки с сахаром, солью и рисом. В минуту мотовства Ирен купила маленький пакетик сушеного чили, а Адам – банку палочек корицы. Это был запас для скромной кладовой, но он казался им сокровищем после многих дней поедания пустынных птиц и студенистой сине-серой гречневой каши, которую они все ненавидели и которую Волета окрестила «каменным пудингом».

– Капитан мне не доверяет, – сказал Адам.

Великанша взглянула на него через край деревянной кружки, но не перестала пить. Они были в ссоре, когда работали на Финна Голла. В то время Адам считал Ирен недалекой сторожевой псиной Голла, а Ирен считала его угрюмым жуликом. Но после побега старая вражда смягчилась из-за насильственной близости, которую принесла жизнь на корабле. Они не сделались друзьями, но заужавали друг друга.

– Думает, что я вор, – продолжил молодой человек. – Он оставляет меня одного на борту, только если мы кого-то захватываем и он сам стоит между мной и моей сестрой. – Адам подвинул четыре пенса к краю стола, и хозяин пивной подошел, чтобы наполнить кружки из кувшина. – Он считает, я коротаю время, пока не придумаю, как украсть его корабль и сбежать с Волетой.

Ирен, которая никогда не тратила слов понапрасну, пожала плечами, а затем настойчиво постучала по столу, когда хозяин слишком быстро перестал наполнять ее кружку.

– Но мне можно доверять, – сказал Адам. – Я заслуживаю второго шанса.

– Ты его уже использовал, – сказала Ирен.

Звено в цепи, которую амазонка носила на талии, повернулось неправильно, и она, звякая, поправила «пояс», чтобы не жал.

– Ммм, возможно. Но он не понимает, в каком положении я был. Родион обладал властью, людьми, влиянием. Он держал мою сестру в плену! – Адам ткнул пальцем в воздух между ними. Ирен отвлеклась на муху, которая летала вокруг ее головы. – Сделка с Родионом чего-то стоила. По крайней мере, я так думал. А капитан мог предложить лишь мечту. Это было предательство, да, но разумное. И только одно. Ограбление в Цоколе не считается. Я выполнял приказ, и если бы я не...

– Я тебе тоже не доверяю, – сказала Ирен. – Я скажу тебе почему. Ты продолжаешь оправдываться. Ты не признаешь того, что сделал, значит либо ты трус – и я не доверяю трусам, либо ты не думаешь, что сделал что-то неправильно. Так что ты сделаешь это снова.

Ирен попыталась схватить муху, сжала кулак и открыла его. Он был пуст. А муха снова летала вокруг головы хмурой великанши.

Адам принялся крутить свою кружку на столе, как будто работая сверлом.

– Я просто не верил, что у него получится! Это первый урок Башни: выхода нет. Можно утопать все глубже или можно зацепиться за свой кусочек скалы, но выбраться не получится. И все-таки... – он горячо стукнул кружкой, – мы здесь.

– Мы здесь.

– Не хочу быть прокаженным на борту, Ирен. Хочу быть частью команды. Хочу, чтобы мне доверяли. – Он заскрипел зубами, но остановился, ощутив момент просветления посреди густеющего алкогольного тумана. – Ты права. Ну конечно, ты права. Я не могу ожидать, что он доверится мне в третий раз, ведь он не видел от меня ничего хорошего. Я перед ним в долгу. Я должен отплатить ему добром за добро. – Адам сжал запястье Ирен; она состроила кислую гримасу. – Я должен вернуть его доверие. Я должен ему что-нибудь дать! Что ему нужно?

– Деньги, – сказала Ирен и подняла руку, освобождаясь из хватки.

Адам побледнел:

– Я надеялся услышать про новую шляпу, или книгу, или что-нибудь маленькое – такое, что можно украсть. – Ирен фыркнула, впечатленная иронией. – Ну а как еще нищий должен погашать долги? Но ты совершенно права. Этого было бы недостаточно. Этого никогда не будет достаточно. Он хочет найти жену, но он даже не может начать, потому что мы такие бедные, и корабль убогий, и мы все выглядим так, как будто выползли из пустыни. Нам нужна одежда, обувь, надлежащее оружие, новый аэростат, новая топка, новая рулевая консоль, все новое. – Юноша размышлял, постукивая по линзе полуочков, которые торчали на лбу. – Нам нужно состояние. Где можно добыть состояние?

Голос Адама от досады сделался громким, поэтому его легко услышали. Воздухоплаватель с седыми волосами и рыжими усами, внушительный и вздорный тип, наклонился с соседней скамейки и сказал сценическим шепотом:

– Состояние? Стоит об этом подумать, пиши пропало. Теперь ты либо разбогатеешь, либо обнищаешь.

– Я и так нищий. Что ты знаешь о состояниях?

– Не я. Не один лишь я. Все. Все знают, где искать состояние. В облаках, разумеется!

– А-а. Спасибо, мудрый сэра, – сказал Адам со снисходительным кивком.

– Я не полоумный! – Старый воздухоплаватель оскалил коричневые зубы. – Я ничего не выдумываю. Оно в облаках! В Небесном Воротнике. Знаешь, что там, наверху? Серебряные деревья и золотые реки. Драгоценности размером с яблоко. Все, что тебе нужно сделать, – это подбежать, протянуть руку и зачерпнуть горсть сокровищ. – Он так жестикулировал, что едва не упал со скамейки.

– Тогда почему ты этого не сделал?

– Потому что это чужое сокровище. Там есть всякие штуки, совсем не похожие на то, что знаем мы. Существа, настолько далекие от нас, грязевиков, что их повседневные дела выглядят как магия. Время от времени такой небесный мальчик, как ты, заглядывает туда. Это никогда не заканчивается хорошо. В конце концов твои внутренности раскинутся по Окаемке, питая стервятников.

Адам бросил на Ирен вопросительный взгляд, пытаясь понять, поверила ли она хоть части того, что наплел этот человек. Великанша сунула палец в ухо, покрутила, а потом изучила добычу.

– А теперь почему бы тебе не поблагодарить старика за то, что поделился мудростью? – заключил усатый воздухоплаватель и, перевернув свою кружку, потряс ею.

Понимая игру и желая сохранить мир, Адам неохотно положил пенс на край соседнего стола.

– Черная метка за убийство! Черная метка за неоплаченный счет! – провозгласил хозяин пивной.

У их стола появилась Волета, и Ирен подвинулась, освобождая для нее место на скамейке. Тот факт, что Ирен симпатизировала Волете, был очевиден лишь для тех, кто изучил все нюансы выражений лица амазонки. Там, где остальные видели в молодой женщине безответственность и капризы, Ирен находила отражение самой себя: бунтарство Волеты, ее любовь к одиночеству, ее смелость – все это напоминало юность Ирен, оставшуюся в далеком прошлом. Амазонка очень привязалась к Волете.

– Почему ты все время уходишь? – спросил Адам.

– Почему ты все время сидишь сиднем? – парировала Волета, стягивая перчатки за пальцы.

Скользнув мимо локтей Ирен, которыми та упиралась о стол, девушка схватила ее пиво и сделала большой глоток. Амазонка, что было ей несвойственно, допустила вторжение. Когда Волета поставила кружку, из ее рукава вырвалась серая вспышка, обвилась вокруг руки и сжалась в комок на плече. Адам поморгал единственным глазом и решил, что это крыса.

– Почему у тебя крыса на плече?

– Это не крыса. Это белка. Белка-летяга, – сказала Волета и потянулась, чтобы погладить животное, которое мгновенно переместилось через ее загривок на другое плечо. Когда Волета потянулась туда, белка перебежала обратно. – Ее зовут Пискля.

Пискля зарылась в темные кудри Волеты и высунулась из них на макушке.

– Но откуда она?

– Я ее удочерила.

– Нельзя удочерить белку.

– Еще как можно. Один ужасный человек продавал ее за шесть шекелей. Только подумай – мало того что продавал, так еще и за шесть шекелей?! Просто безобразие.

– Черная метка за убийство! Черная метка за неоплаченный счет! – крикнул хозяин пивной.

– Ты ее украла, – сказал Адам.

– Нельзя украсть живую душу. Я ее освободила.

– Устами младенца! – раздалось позади.

Они были так поглощены выходками белки и спором, что не заметили, как кто-то подошел. Но теперь-то вновь прибывшего разглядели все. Дородный, в кожаной одежде, с темными раковыми разрастаниями на лице, похожими на пятна леопарда. Он проворно выхватил белку из волос Волеты, и та не успела среагировать.

– Полагаю, украв окорок, ты бы тоже сказала, что у него есть душа. Очень удобный способ защиты, – сказал он, а потом продолжил ироничным тоном: – «О, ваша честь, я не воровка! Я спасительница душ!»

– Отдай ее, – ровным голосом сказала Волета, вставая. – И не сжимай так сильно.

Ирен и Адам не сидели безучастно. Адам осторожно вытащил свой ненадежный пистолет и держал наготове под столом. Но Ирен интуитивно нащупала ствол и повернула к полу. Ее взгляд заверил его, что она не позволит ничему случиться с девушкой. Адам сурово посмотрел на нее, но не поднял пистолет во второй раз.

– Ох, девка! – ответил «леопард». – Я буду сжимать, как хочу. – Он поднял кулак с зажатой белкой, чья маленькая серая голова беспокойно вертелась. – Ты должна мне шесть шекелей и еще один за то, что пришлось за тобой гнаться. Платить можешь тем, что в кошельке, – или, если хочешь, тем, что под юбкой. – Он посмотрел на нее с вожделием, обнажив мощные и черные десны, как у пса. – Уж я-то могу сказать, что мне нужней.

Ирен встала лицом к лицу с пятнистым:

– Я заплачу за белку.

Он бросил злобный взгляд на великаншу:

– Ну, от тебя я предпочту кошелек.

– Два шекеля.

– Я же сказал, семь. Семь – или никакой белки. – Он поднял над головой кулак, в котором зажал зверька. Когда Ирен не дрогнула и не пересмотрела свое предложение, «леопард» равнодушно пожал плечами. – Ну лады. Никакой белки.

Он швырнул бедняжку об пол с такой силой, что белка подпрыгнула на желтом ковре и замерла, оглушенная или мертвая. Злодей занес над ней сапог.

Несмотря на все эти причуды, «леопард» не был безрассудным человеком. На самом деле он отличался расчетливостью. В отличие от большинства обитателей Вертуна, он не терял от цифр голову, не считал на пальцах и не был простым тальманом³. Он был настоящим мастером абака. Он мог производить сложные расчеты с легкостью, которая позволяла ему обращаться к загадочным силам, выворачивающим карманы людей наизнанку, творящим состояния и поднимающим целину, – в общем, к тому, что люди попроще зовут «удачей».

«Леопард» любил играть с вероятностями.

Он мог бы просто сообщить о маленькой шлюхе кому надо, едва заметив, как она выхватила белку из клетки, но от черной метки не было никакой прибыли. И потому он пошел за нею следом, принялся выжимать из нее деньги на глазах у друзей, предложил зловещую альтернативу, чтобы подстегнуть торг, который, как он ожидал, должен был завершиться на четырех шекелях и двух пенсах. Он отверг первую ставку великанши и усилил срочность переговоров, оглушив белку и пригрозив раздавить сапогом. Он, конечно, вовсе не собирался давить собственное имущество насмерть.

К несчастью для «леопарда», Ирен ничегошеньки не смыслила в вероятностях.

Он был не готов к тому, что случилось с ним дальше: он взлетел. Что-то ухватило его за пояс, а что-то еще – за воротник, и он повис над полом. Он парил. Что-то коснулось его головы. Сначала это не было неприятно, но затем давление распространилось на уши, шею, плечи. Казалось, ему на голову надевали слишком маленькую шляпу. Затем сопротивление уступило место звуку рвущейся ткани и яркому, неотфильтрованному свету. На одно замечательное мгновение он почувствовал себя голым и невесомым, как младенец на руках.

Затем он начал падать.

Хозяин пивной проследил за тем, как великанша схватила пятнистого торговца за рубашку и штаны и швырнула через гобелен. Бедолага, казалось, растворился в луче света.

Амазонка посмотрела на хозяина пивной с задумчивым выражением лица, как будто спрашивая себя: видел ли он, что она сделала?

Разумеется, видел. Все видели.

³ Тальман – лицо, ведущее подсчет груза при погрузке и выгрузке с судна.

Хозяин пивной вздохнул и сказал:
– Черная метка за убийство...

Глава шестая

*Упущения становятся ложью и т. д.
Судовой журнал «Каменного облака», капитан Том Мадд*

У подножия лестницы, как обнаружил Сенлин, вместо пола простиралась пустота.

Те несколько досок, что там были, заскрипели и затрещали приводящим в замешательство хором, стоило на них ступить. Он сориентировался на местности. По одну сторону шесть длинных пальто и шесть больших шляп висели на кольшках на доске. Некоторые пальто под воздействием сил природы выщвели; другие выглядели такими же темными, как чуланы, откуда их достали. Одна симпатичная треуголка сгодилась бы для адмирала. Сенлин задался вопросом: на какую благородную компанию он наткнулся?

Но потребовалось лишь немного оглядеться по сторонам, чтобы понять: хозяева вещей их бросили. Вокруг – ни души, а также никакой мебели. Впрочем, пола тоже не было. Только голые распорки и балки да еще воздух между ними. Даже гобелен не доходил так далеко.

Ветер, которому ничто не препятствовало, носился вокруг. От внезапного порыва Сенлин опять схватился за лестницу. Цепляясь за перекладины, он сражался с противоположными чувствами – желанием вернуться на более твердую поверхность и болезненным побуждением взглянуть вниз.

Тот самый порыв ветра, что дразнил его, также раздвинул «барьер» из пальто. За ними Сенлин увидел яркий всплеск цвета. Поддавшись любопытству, он собрался с духом и протиснулся через занавес из рукавов и фалд.

Его встретило видение настолько захватывающее и неожиданное, как будто он, пробравшись через унылую живую изгородь, попал в буйно цветущий секретный сад.

Он стоял на краю паутины из шерсти.

Тысячи прядей всевозможных цветов стекали со стропил, соединялись в полосы и собирались в центральную точку. В мгновение ока он понял, что видит перед собой то, для чего предназначалась обширная коллекция пряжи в магазине Арджуны; нити из тех катушек проходили через отверстия в полу и появлялись здесь как лучи паутины.

В центре паутины сидела лысая женщина, закутанная в шаль. Она баюкала на коленях ткацкий станок, который поглощал все ее внимание. Под ней не было ничего, кроме длинных шерстяных нитей и бескрайнего неба.

Это могла быть только мать Арджуны.

Сенлин поискал какой-то путь, чтобы приблизиться к ней, но не нашел. В пределах досягаемости не было ни досок, ни балок, ни стропил. Только нити паутины, уходящие вниз, перекрещиваясь и оставляя нерегулярные просветы, и женщина, что ожидала в центре.

Порыв ветра ухватил его за сюртук и чуть не сбросил с выступа. Теперь он понял, зачем нужна вешалка для пальто; свободная одежда могла превратить человека в воздушного змея. Но лишь когда Сенлин повесил сюртук рядом с другими, он полностью осознал, что произошло. Сюртуки принадлежали мужчинам, которые пришли сюда, отважились ступить на паутину и не вернулись.

Шесть сюртуков без хозяев: шесть потерянных душ.

– Прекрасное место, чтобы повернуть назад, – сказала Мария, скользнув мимо его локтя и заглянув вниз. – Давай будем честными, Том, это немного чересчур даже для тебя. Подумай о том, что ты делаешь: рискуешь жизнью, чтобы получить совет от какого-то паукообразного, которое поселилось в основании пиратской бухты. Такой надежный источник! Разве она может сказать что-то важное? Даже если она знает то, что ты хотел бы узнать, – знает, как проникнуть

в Пелфию с помощью какой-то забавной уловки, – что тогда? Будешь бродить по улицам и звать меня по имени?

Она раздвинула нити паутины и попыталась пробраться через них.

– Меня там даже нет! Я сбежала давным-давно. Я отправилась домой. Я уже принимаю гостей-джентльменов. Я вытираю пыль со скамеечки перед пианино прямо сейчас!

Она немного поизвивалась, протискиваясь вперед, а затем проникла сквозь дыру в плетении. На мгновение повисла перед ним вверх ногами. Она выглядела так же, как в тот день, когда забралась на дерево, чтобы вызволить воздушного змея, которого он сделал для нее. Потом ее вес перераспределился, поверхность перестала ее удерживать. Она упала без единого слова.

Сенлин молча смотрел ей вслед, чувствуя комок в горле. Это было всего лишь видение, и все же ему с трудом удалось не завопить от потрясения и разочарования.

Возможно, стоит повернуть назад. Возможно, это безрассудство. Но к чему возвращаться? К замешательству? Невежеству? Неизбежному сползанию в жизнь, полную насилия? Конечно, лучше идти вперед, в погибель, чем назад, в гниль.

Он взялся дрожащей рукой за яркие пряди и полез в паутину ткачихи.

Эдит сидела в ванной и наблюдала за одиноким облаком, плывущим над долиной. Она лениво спросила себя: из какого водоема оно поднялось, на какие земли упала его тень, какие культуры оно поливало? Эта мысль унесла ее на семейную ферму. Она скучала по жизни, состоящей из сезонов и урожаев. Она даже скучала по наводнениям, которые уничтожали один урожай только для улучшения следующего. Весь этот период жизни казался таким же далеким и невозполнимым, как ее рука. Пока она пялилась на небо, одинокое облако поредело и растаяло.

Ванной команде служил балластный резервуар, в который можно было попасть, сдвинув наверх доски полубака. Вода не была питьевой, но для купания подходила прекрасно, если не принимать во внимание холод. Она находила это большой роскошью, невзирая на дрожь. На мгновение Эдит освободилась от ответственности.

Она сидела, положив руки на палубу: левая была мускулистой, палевого цвета, плечо покрывали темные веснушки, которые у нее появились в детстве. Другая рука представляла собой громоздкую конструкцию из пластин, болтов, клапанов и множества механических деталей, которые Эдит не могла назвать. Но она знала, как ухаживать за этим устройством: ей приходилось ежедневно пополнять запас воды, еженедельно смазывать суставы и примерно раз в месяц заменять жидкую батарею, чей запас был ограничен. Как ни странно, движитель делался ее частью. Она не могла представить жизнь без него.

Механическая рука идеально подходила для некоторых работ: вскрывать ящики, носить тяжести и выбивать зубы – со всем этим устройством на ее плече отлично справлялось. Но другие задачи, часто простые, сделались обременительными. На то, чтобы одеться и раздеться, уходило в два раза больше времени, чем раньше. Когда требовалось завязать узел, на лбу выступал пот. Даже мытье волос, когда-то бывшее медитативным процессом, теперь стало утомительной, иногда болезненной работой.

На мгновение она решила отказаться от этой самой работы. Потом почуяла запах своих волос, и решимость вымыть их вернулась.

Час спустя она стояла одетая у руля, ее кожа сияла, темные локоны сохли на ветру. Она снимала показания флюгера, барометра и анемометра, рассчитывала высоту, отмечала расположение солнца, а затем решила отправиться в большую каюту, чтобы записать измерения в судовой журнал.

Пока Билли Ли был капитаном, Эдит привыкла вести журнал, так как он часто отвлекался на ту или иную авантюру. В то время она только начала учиться писать левой рукой, и поэтому ее дополнения были короткими и некрасивыми. Ее почерк улучшался, но медленно. Став капи-

таном, Сенлин взял ведение журнала на себя. Его стандарты по поводу почерка, орфографии и пунктуации граничили с фанатизмом. Эдит предоставила Сенлину возможность возиться с засечками и завитушками, потому что по какой-то невысказанной причине это делало его счастливым. Она не открывала журнал месяцами.

Но сегодня Сенлин ее взбесил. Его пустой взгляд, с которым все только ухудшалось в последние недели и от которого капитан казался одновременно отчужденным и немного сумасшедшим, все сильнее действовал на нервы. Его рассеянность тревожила – ведь они на самом деле поддавались его одержимости. Если его решимость ослабевает, на что им надеяться?

Поэтому она решила обновить журнал своим неуклюжим, некрасивым почерком, желая напомнить ему, что он не одинок в этом приключении.

Она открыла большую книгу в кожаном переплете с закладкой в виде ленты и просмотрела последние записи. Она удивилась, увидев, насколько Сенлин украсил дневник. Ли писал фрагментами, иногда делал наблюдения, а она была еще более краткой, но Сенлин, по-видимому, решил подробно рассказать об их перипетиях. Она чувствовала себя вдвойне неловко. Во-первых, из-за него – потому что использование судового журнала в качестве дневника напоминало исповедь бакалейщику. Во-вторых, из-за себя – потому как неожиданно обнаружила, что шпионит за ним. Она больше не чувствовала, что стоит в большой кабине. Она словно очутилась в чьей-то спальне.

Забыв о первоначальном замысле, она захлопнула журнал.

Но недостаточно быстро. Витиеватая «М» мелькнула на странице, и Эдит, сама того не желая, выхватила из текста всю фразу.

Она застыла над закрытым журналом, вспоминая написанные слова, как проснувшийся в испуге человек вспоминает неожиданный шум посреди ночи. Ей показалось? Может, слова выглядят зловещими только потому, что она вырвала их из контекста? Эдит размышляла над фразой с растущим беспокойством, пока не поняла, что задерживает дыхание.

Она заставила себя выдохнуть.

Корабль был пуст. Ее волосы все еще не высохли после ванны, но она почувствовала, как тяжесть обязанностей навалилась ярмом.

Эдит открыла журнал и нашла строку, которая приковала ее внимание: «Я вижу Марию ежечасно. Боюсь, я схожу с ума».

Она вытащила стул, села и продолжила читать.

Глава седьмая

Я нахожусь в незавидном положении, когда, освежая воспоминания о жене, полагаюсь на образ, созданный другим мужчиной. Не знаю, как бы я наводил порядок в затуманенной голове без огьеровского портрета Марш.

Судовой журнал «Каменного облака», капитан Том Мадд

Он чувствовал себя марионеткой, запутавшейся в струнах. Было трудно двигаться, не застревая каблуком ботинка или не зацепившись пуговицей. Пряжа одновременно стесняла и совершенно не казалась прочной; он в одинаковой степени боялся как застрять, так и проделать дыру в хрупкой сети. Смотреть вниз было абсурдно. Земля казалась такой же далекой, как луна.

Каждые несколько футов он приостанавливал спуск и приветствовал ткачиху на дне паутины. Но либо ветер поглощал его приветствия, либо она игнорировала их, потому что ответа не было. Поскольку он не знал, в чем дело, оставалось лишь пробираться дальше, скользя и хватаясь за нити, все глубже в многоцветную паутину.

Вскоре он приблизился достаточно, чтобы увидеть, что она поразительная женщина, хотя и не в привычном смысле. Ее черты были красивыми, но резкими, даже мужскими. Она казалась недостаточно взрослой, чтобы быть матерью зрелого сына. Ее лысая голова напоминала идеальный фундук. Она не пыталась скрыть или приукрасить эту особенность. То, что могло оказаться фатальным изъяном для другой женщины, ее только сделало красивее.

Женщина утрамбовала уток костяной колотушкой, поправила поперечную рейку и начала плести следующий цвет, вытаскивая нить из невообразимой путаницы, которая ее окружала. Она никак не продемонстрировала, что заметила появление Сенлина или услышала приветствия, пока он не оказался на дне ее призматической воронки.

– Как тебя зовут? – не отрываясь от работы, спросила она.

Голос был звонким, но безразличным, как у медсестры в оживленной больнице.

Сенлин неуклюже распростерся перед нею, пытаясь произвести хоть мало-мальски достойное впечатление.

– Я капитан Том Мадд.

Лицо ткачихи не дрогнуло, когда она отложила челнок, достала откуда-то из своего одеяния блестящие ножницы и отрезала пучок нитей у своих ног.

Сенлин упал всего лишь на несколько дюймов, прежде чем паутина его снова поймала, но этой доли секунды хватило, чтобы кровь застыла в жилах. Каждая часть его тела дрожала от паники.

– Спокойнее, юноша. Не надо дергаться.

Сенлин хотел сказать, что он не дергается, у него конвульсии, но от ужаса челюсть свело, и он смог только хрюкнуть в ответ.

Женщина посмотрела на него в первый раз и, кажется, убедилась в справедливости изначального впечатления.

– Давай продемонстрирую, как звучит правда. Меня зовут мадам Фулмала Бхата. Слышишь ее? Как она звенит в ушах? Чувствуешь, как ее дрожь переходит через нити в твои пальцы и кости? Ты ощущаешь честность моего пульса. Правда безгрешна, как дитя.

Бусина размером с грецкий орех скользнула вниз по нитям от трубы в потолке. Ткачиха схватила бусину, вскрыла ее, вытащила маленький бумажный свиток и развернула, поддев краешек ногтем большого пальца.

– Ты продал два бочонка хорошего рома Джону Хэмму час назад. Откуда у тебя ром?

– Пиратство, – выдал Сенлин, наконец-то сумев пошевелить челюстью.

– Вот и честный ответ. – Она сунула записку в свое одеяние и продолжила ткать. – Итак, теперь мы можем поговорить. Как тебя зовут?

– Том Мадд – это имя, под которым я странствовал последние месяцы. Но зовут меня Томас Сенлин.

– А этот Томас Сенлин – он капитан?

– Нет, он был... я был директором и единственным учителем в маленькой деревенской школе.

– Учителем? – Похоже, теперь она нашла его более интересным. Когда две новые бусины появились из трубы в потолке и сползли к гнезду пряжи, она позволила им остаться у ног неоткрытыми. – Чему ты обучал?

Он хотел бы притвориться, что они просто болтают и она вовсе не ведет допрос. Это казалось единственным способом удержать в узде тошнотворный страх. Конечно, трудно говорить непринужденно, когда ты запутался в паутине, словно муха.

– О, ничего особенного – чтение, письмо, математика, естественные науки, история...

– Какая история? – встряла она.

– Какая? Ну, я полагаю, та, что произошла, – ответил он со смешком.

Ее это совсем не позабавило.

– История не имеет ничего общего с тем, что произошло.

– Как вы можете такое говорить? Для меня очевидно, что вы ответственны, по крайней мере частично, за гобелен, который не дает бухте рассыпаться. Раньше я не мог понять, что на нем за узор, но те бусинки, которые скользят к вам, – это подтверждения событий, не так ли? Они сообщают вам, что добавить к записи. Итак, гобелен похож на гроссбух. Он содержит учет...

– ...рождений и смертей, потерь и продаж, сезонов и бурь, долгов, клятв, черных меток, браков, приключений, песен, даже шуток. Всего, что для нас важно.

– Невероятно, просто невероятно. И все это вы отображаете в своем плетении?

– Да.

– Теперь понятно, почему гобелен полон символов, маленьких картинок и условных знаков, а не букв и цифр. Это для того, чтобы местные жители смогли прочитать его, так что он для них полезен. Вы их историк.

– Вот уж нет! – она сказала резко и пригрозила ему костяным гребнем. – Я веду записи. Тот, кто ведет записи, просто все запечатлевает. Историк все выдумывает.

Сенлин понял, что спровоцировал ткачиху, но не мог удержаться от спора, хоть и находился полностью в ее власти.

– Ну, это вряд ли справедливо.

– Согласна. Это несправедливо. Историк начинает с конца, а потом придумывает подходящее начало. Сказки сочиняет.

– Это нелепое обвинение. История – это повествование о ходе времени. И как в любом повествовании, в любой истории в нем есть некоторые детали, которые обязательно замалчиваются, некоторые прячутся под зонтиком поучительных отступлений и аналогий. Но небольшие упущения не извращают сути сюжета. Наоборот, проясняют.

– Ну конечно проясняют! Это потому, что из него удаляют все сбивающие с толку, запутанные и противоречащие части. Он понятный, потому что лживый! И вообще, кто эти благочестивые люди, пишущие историю? Кому они служат? У каждого историка, о котором я когда-либо слышала, есть благодетель, или учитель, или долг перед страной. История – это любовное письмо, адресованное тиранам и написанное кровью побежденных, забытых, изгнанных! – Ее прежняя благопристойность полностью исчезла, и Сенлин мельком увидел в ее пылкости сходство со страстностью сына. В ней тоже было немного его мании.

Сенлин в свое время поучаствовал в немалом количестве философских дебатов, но ему ни разу не приходилось делать это в воздухе, чувствуя себя столь же надежно, как с петлей на шее. Разговор казался сюрреалистичным, но вызывал странную ностальгию. Он вдруг понял, что почти наслаждается происходящим.

– Печально, но не ново, что историю пишут победители. Тем не менее я считаю верхом цинизма отказываться от всей науки из-за нескольких ошибок.

– Нет ничего циничного в том, чтобы признать: прошлое превратили в фикцию. Оно сказка, а не факт. Подлинное прошлое стерто. Целые эпохи были добавлены и удалены. Войны возвеличили, а борьбу за правое дело отодвинули на задворки. Злодеев представили героями. Щедрые, подвластные страстям, несовершенные мужчины и женщины лишились недостатков или добродетелей и превратились в идолов – воплощения морали или разврата. Целые общества обрели мотивы, видение и самообладание, коих никогда не существовало. Страдание окрестили «благородной жертвой»! Знаешь, почему история Башни представляет собой такой бардак? Потому что слишком много влиятельных людей сражаются за перо, чтобы написать свою историю на наших трупах. Они знают, что поставлено на карту: бессмертие, суть цивилизации и влияние протяженностью в вечность. Они борются за право морочить головы нашим внукам.

– В этом есть доля истины. – Сенлин нахмурился. – Однажды меня ввели в заблуждение ложные сведения о Башне. Я часто задавался вопросом: почему кто-то написал такую грубую фальшивку?

Она улыбнулась. Выражение ее лица сделалось добрым и грустным.

– Ты пришел, не так ли? Ты оставил свою жизнь, школу, учеников и пришел в Башню. Принес деньги, я полагаю. Возможно, потратил больше, чем мог себе позволить? Ты принес свое небольшое состояние в Башню и возложил на алтарь, как до тебя сделали множество других мужчин и женщин. Неужели ты правда не представляешь, зачем кому-то писать такую привлекательную ложь?

Это было откровение, и, как часто бывает с откровениями, за радостью открытия быстро последовало замешательство. Почему он не пришел к такому выводу раньше? «Популярный путеводитель», который обманул его, окутал лестью и выдал достаточно правды, чтобы казаться убедительным, был не более благородным, чем реклама. Его одурачили – и он пришел в Башню, отказался от тех богатств, которыми владел, и кто-то извлек из этого выгоду.

– Вы правы, мадам Бхата. Я потерял больше, чем мог себе позволить.

– Ах! Вот мы и подошли к этому, – сказала она и, впервые отложив работу, обратила на него все свое внимание. – Расскажи мне, что случилось.

Сенлин рассказал ткачихе свою историю, сделав ее как можно короче, хотя мадам Бхата часто прерывала его вопросами. Он отвечал честно. Он обнажил свои недостатки и преступления, союзы и врагов, надежду отыскать потерянную жену. Он даже поделился подозрением, что Комиссар Купален назначил награду за его голову в связи с кражей произведения искусства, – это признание могло заставить ее проверить его ценность, сдать властям, что она при желании сделала бы без труда.

Но то, что сначала было мучительным, приносило облегчение по мере исповеди. Рассказывая свою историю, Сенлин обнаружил, что выработал определенные представления о собственных мотивах и решениях. Эти идеи, казалось, сформировались в эфире эмоций и сновидений, в смутном тумане, лежащем за пределами прожекторов сознательного ума. Они не были большими откровениями, но походили на маленькие прозрения, которые озаряют человека, когда он наслаждается утренней чашкой чая.

Во-первых, он никогда не понимал, почему взял псевдоним Мадд. «Грязь» была непристойностью, уничижительной характеристикой в Башне. Это была шутка, и поэтому он предположил, что лишь лукавство и самоуничтожение подсказали ему такое имя. В конце концов,

он выбрал его в мрачную минуту. Но дело было немного в другом. Его ассоциации с грязью, в отличие от принятых в Башне, были положительными: она предвещала весну, обеспечивала цветение жизни. Из нее можно было сделать кирпичи и построить дома, школы и библиотеки. Это была грязь, в которую Мария любила наступать, чтобы подразнить и соблазнить его. Он выбрал такое имя, потому что оно воплощало необоснованное отвращение Башни к низшему миру.

Это и другие маленькие откровения подстегнули его повествование, и когда Сенлин закончил, он почувствовал себя бодрым и одновременно разоблаченным.

– Надеюсь, вы понимаете, почему я был осторожен с моим именем и моей историей. Если обо мне узнают не те люди, могут пострадать моя команда и моя жена. Надеюсь, вы будете осторожны с тем, что я вам рассказал.

– Это часть записи. Я не буду ничего скрывать, Томас Сенлин. Но я могу тебя утешить: люди, которых ты боишься, никогда не снисходят до чтения низменной мудрости народов, на которые смотрят свысока. Я думаю, секреты капитана Мадда в достаточной безопасности, пусть даже и видны всем.

Он понял, что она не предложит лучшего утешения, и поэтому наконец перешел к цели этого отважного, изматывающего визита.

– Теперь, когда вы знаете, кто я, вы знаете и цель моего прихода.

– Ты хочешь разыскать жену в Пелфии.

– Да.

– Ты можешь попасть в Пелфию через кольцевой удел над нею, Шелковый риф.

Сенлин был озадачен и разочарован простым ответом.

– Я читал, что его запечатали после войны между Пелфией и Альгезом. Все лестницы завалили щебнем.

– Что я тебе говорила о вере в эти истории? В них так много дыр! А в твоей книге что-нибудь говорится о тропе ходов? Ничего? Ну конечно ничего! Слушай. В центре Шелковых садов находится Золотой зоопарк. Это реликвия довоенного мира.

– Зоопарк? Есть ли там животные?

– Возможно. Я не уверена. Но там есть человек, который может помочь. Его зовут Люк Марат. Он отвечает за то немногое, за что там можно отвечать. Мне сказали, что он посвятил себя спасению ходов и превратил зоопарк в своего рода миссию. Он очень хорошо знает тропу ходов. Он может показать тебе путь в Пелфию.

– Опасен ли он, этот Марат?

– Он мистик, а они по своей сути миролюбивы. Но он еще и фанатик, а гнев фанатиков скор. Его идеи непопулярны, и многие в Башне хотели бы увидеть его на виселице. Так что для многих он преступник. Естественно, он подозрительно относится к незнакомцам. Я не знаю, что он сделает с тобой. Не все такие дружелюбные, как я.

Сведения звучали правдоподобно: убежище, преступник, не лишенный сострадания и влияния, и вход в Пелфию, который все упускали из вида. Наверное, странствовать через порталы ходов будет непросто, но разве это может оказаться сложнее пиратства?

Открывшаяся перспектива пробудила в душе Сенлина надежду, услышанное от женщины обрело силу священного слова, и в конце концов он преисполнился уверенности в том, что этот мистик, этот Люк Марат, откроет ему путь в Пелфию.

– Он будет ожидать платы?

– Разумно отправиться туда с предложением мира, да. Я так понимаю, его миссия остро нуждается в книгах любого сорта.

Сенлин удивился. Время, проведенное в Новом Вавилоне, продемонстрировало, как редко среди рабочего класса Башни встречаются грамотные. Миссия, которая нуждалась в

книгах, могла означать лишь одно: Марат пытался обучать ходов. Это было благородное стремление, и Сенлин спросил себя: не найдет ли он родственную душу в фанатике Марате?

Задумчивость Сенлина прервал звук, который он принял за воронье карканье. Он повернулся и увидел, как мимо обнаженного каркаса бухты камнем падает вопящий человек. Зрелище оказалось недостаточно захватывающим для мадам Бхаты. Ее челнок продолжал бегать туда-сюда, рассекая нити основы, как рыба рассекает камыши.

– У меня есть еще один вопрос, – сказала она рассеянно, обращаясь к еще более рассеянному Сенлину, который тарачился в небо. Он пытался убедить себя, что вообразил падающего человека, что это очередная галлюцинация. Только ее вопрос вернул его в настоящее: – Зачем ты принимаешь крошку?

Он почти не колебался; пауза между вопросом и ответом заняла кратчайшую долю секунды.

– Я ее не принимаю.

Это прозвучало возмущенно и убедительно. Но ее не убедило.

– Удивлена, что ты солгал о такой очевидной слабости, рассказав мне так много секретов.

– Мадам, я не собираюсь лгать. Я попадал под ее воздействие дважды против воли, и последний раз был три месяца назад.

– И все-таки ты под кайфом сию минуту. Я поняла это, как только увидела, как ты барахтаешься в моей паутине. О-о, вы, наркоманы, все одинаковы: обманываете себя так хорошо, что думаете, будто обманули всех.

– Жизнью клянусь: я жертва передозировки. Я не принимаю крошку.

Она устремила на него ледяной взгляд. Ножницы появились опять с пугающей небрежностью. Сенлин подумал о шести пустых пальто, которые колыхались на ветру; подумал о шести потерянных душах. Она вырезала их из истории, чтобы бесчестность не испортила ее гобелен.

Ножницы в ее руке раскрылись. Он был бледен настолько, насколько она была безмятежна.

Потом, как ни странно, она остановилась. Мадам Бхата вздохнула:

– Иди. Иди ищи свою жену, Томас Мадд Сенлин. Что толку наказывать человека, который так упорно наказывает себя сам?

Глава восьмая

Я знал мальчика в школе, который выпал из койки во сне, ударился головой и больше не проснулся. Утешаю себя этим ужасным воспоминанием всякий раз, когда смотрю на пропасть, которая следует за мной, как тень. Мы все живем на смертельной высоте.
Судовой журнал «Каменного облака», капитан Том Мадд

Корабельный такелаж так же выразителен, как скрипка. Джутовые веревки и шкивы способны исполнять счастливые менуэты, когда команда радуется, пьесы-фантазии – когда она склонна к созерцательности, и ноктюрны – когда ею овладевает меланхолия.

Сейчас команде «Каменного облака» казалось, что такелаж пиликает в минорной тональности погребальную песнь.

Они стояли, понурившись, в печи пылающего полуденного солнца. Капитан расхаживал перед ними туда-сюда, невероятно раздосадованный. Несмотря на мрачное настроение, они не могли не задаться вопросом: откуда взялась треуголка на его голове?

– Из-за крысы? – спросил Сенлин, резко останавливаясь перед Волей.

– Это белка, – поправила она, не убирая волос с лица, и протянула зверька в ладони, чтобы капитан его как следует рассмотрел.

Существо, которое успело оправиться после удара об пол, моргнуло черными глазками и устремило на Сенлина тихий умный взгляд.

– Итак, ты украла белку, – сказал он, ткнув пальцем в Волею. – Потом пришел хозяин, чтобы ее забрать, и ты, – палец повернулся к Ирен, – вышвырнула его через стену.

Амазонка выглядела непривычно смущенной.

– А где был все это время ты, Адам?

– Держал пистолет под столом.

Сенлин потер затылок:

– Ну еще бы!

– А что мы должны были сделать? Этот торгаш угрожал ей. – Адам кивком указал на сестру. – Кто знает, что он мог натворить.

– И это твоё оправдание за убийство человека и черную метку от единственного порта – единственного порта! – который оказался достаточно сомнительным, чтобы впустить нас? – Сенлин посмотрел на старпома в поисках поддержки. Эдит стояла, скрестив руки и устремив решительный взгляд на далекий горный хребет, похожий на пилу. Она выглядела так, словно держала во рту пчелу. Сенлин нахмурился и продолжил воевать с командой без посторонней помощи. – Неужели до этого дошло? Теперь мы преисполнены решимости либо сдаться, либо прибегнуть к убийствам, столкнувшись с трудностями? Разве нет других степеней между двумя разновидностями бесчестья?

Сенлин повернулся к Ирен, которая встала по стойке смирно и вскинула подбородок, стоически перенося позор.

– Они молоды и импульсивны, но ты достаточно взрослая, чтобы понять тяжелые последствия легкомысленных решений. Ты... – Возбуждение Сенлина внезапно миновало пик, и он замолчал. Взяв себя в руки, закончил: – Ирен, продолжим в моей каюте.

В надежде заглядеть вину, Адам прибегнул к своим официальным обязанностям штурмана:

– Куда направляемся, капитан?

– У меня скоро будет для вас курс. Пока что найдите нам тихое облачко, в которое можно засунуть головы. И пожалуйста, давайте все постараемся свести убийства к минимуму.

Сенлин открыл окно каюты, чтобы впустить свет и щебетание пролетающих мимо птичьих стай. На столе лежали книги и рисунки, которые он собрал за время исследований. Он со стуком опустил поверх всего этого две кружки и налил немного рома.

– Я не понимаю многих пиратских обычаев, – сказал он, рассматривая оловянную кружку. – Например, не верю в то, что висячие колокольчики и погремушки отпугивают гремлинов, которые почему-то требуют абсолютной тишины для подготовки шалостей. Или в то, что синий цвет приносит беду, а желтый – удачу. Мне не свойственен широко распространенный страх перед свистом, который якобы кажется ветрам насмешкой и заставляет их дуть сильнее. – Он хлебнул из кружки. – Но примирение разногласий за глотком рома – этот обычай я могу оценить. Если я когда-нибудь вернусь домой, думаю, внедрю такую практику в окружном школьном совете.

Ирен опустилась на стул, точно оползень на дорогу. Она выглядела несчастной и побежденной, и в сочетании с могучей внешностью это смотрелось несуразно. Ее неповторимая квадратная челюсть обвисла, как у старухи.

– Помню тот момент, когда я решил, что ты мне нравишься, – дружелюбно взмахнув кружкой, продолжил Сенлин. – Мы ехали на встречу с Финном Голлом, и ты призналась, что, возможно, будешь вынуждена задушить меня, если я окажусь вором. Ты сказала, что надеешься на сопротивление с моей стороны, если до этого дойдет. Сначала я думал, что ты забавляешься, но потом ты напомнила мне о наших уроках – велела не дергаться, не терять голову, – и я понял, что ты абсолютно серьезна. Я подумал про себя: «Вот человек совести. Вот человек, который верит в справедливость».

Сенлин ждал ее комментариев, но она лишь вяло пожала плечами.

– Ирен, ты не убийца. – Прижавшись к столу, он попытался заглянуть ей в глаза, но она так и сидела, потупившись. – Скажи мне, что случилось в пабе?

– Я потеряла голову, – сказала она в полнейшем замешательстве. – Он угрожал тому, кого я люблю, и я...

Сенлин удивленно откинулся на спинку стула:

– Тому, кого ты любишь?

– Волете. – Она подняла взгляд, убеждаясь, что ее поняли.

Мария появилась у локтя Сенлина, мягкий занавес волос коснулся его шеи.

– Ужель чудеса никогда не прекратятся? Наконец-то на твоём корабле расцвела романтика, Том.

– Я не очень скучаю по жизни, которую оставила позади, но мне не хватает детей Финна Голла. – Ирен говорила без эмоций, но не могла сдержать волнение, от которого на лбу у нее появились морщины. – То, как они смотрели на меня, – вот так Волета смотрит на меня. Она видит сквозь шрамы и хмурый взгляд; она не замечает кровавого следа позади меня. Она не знает, что я сотворила со своей жизнью.

– Нет, не романтика, – сказала Мария, легко ведя ногтем по его щеке. – Старая насадка сидит на пустом гнезде.

– Заткнись! – рявкнул Сенлин.

Мария испарилась, как капля воды на горячей плите.

Ирен от потрясения округлила глаза, и это отрезвило Сенлина – он быстро взмахнул руками, как будто стирая сказанное.

– Не говори так, как будто наши жизни заверены нотариусом и мы ничего не можем изменить. Ты же в самом расцвете сил.

– Либо мухи ускоряются, либо я замедляюсь. – Далекое карканье привлекло их внимание к окну, и они увидели россыпь черных «звезд», пересекающую белое небо. Они в молчании

проследили за тем, как созвездие птиц растворяется в солнечном сиянии. – Она не такая, как мы, – твердо сказала Ирен. – Я бы очень хотела, чтобы так и оставалось.

Сенлин протянул руку через стол и коснулся ее руки. Амазонка сначала отпрянула, но остановилась, позволила его руке остаться.

– Ирен, ты единственная причина, по которой я не поскользнулся и не упал на меч. Я жив благодаря тебе. Это лишь одна из многих замечательных вещей, которые ты сделала в своей жизни. Ты пример мужества и опыта, который принес мне пользу и который, как я знаю, приносит пользу и Волете. Ей лучше в твоём обществе, чем без него.

Сенлин увидел, как ее лицо снова твердеет, словно озеро зимой. Момент нежности заканчивался.

– Возможно, – сказала она.

– Просто нужно найти лучший способ выражать свои чувства, чем швыряние людей сквозь стены.

– Слушаюсь, сэр. Могу я уйти?

– Конечно.

Когда амазонка ушла, Сенлин поразмыслил над ее признанием со смесью облегчения и беспокойства. Тот факт, что Волета имела так много власти над Адамом и Ирен, мог однажды создать проблему. Девушка способна расколоть команду. И наоборот, если когда-нибудь невзгоды подточат их боевой дух, она может стать тем связующим звеном, которое удержит их вместе.

Он обратился к своим исследованиям, чтобы отвлечься от тревоги, если не утешиться. Он окинул взглядом отметки на аэрожезде и начал изучать кольцевой удел, на который раньше не обращал внимания, считая его неприступным портом: Шелковый риф.

Согласно трудам из скромной библиотеки Билли Ли, Шелковый риф когда-то был великолепным парком и шелковой фермой. До того как распад и слухи переименовали его в Шелковый риф, он был известен как Шелковый сад. Шелк, который там производили, не имел себе равных по прочности и легкости и был предпочтительным материалом среди элитных производителей оболочек для воздушных кораблей...

Бешеный стук в дверь каюты отвлек его от исследований. Толком не закончив барабанить, Эдит ворвалась в комнату. Он вскочил, готовясь услышать новости об очередном бедствии, но она ничего не объявила. На самом деле она на него и не взглянула. Она принялась бегать по кругу, как будто искала место, куда бы плюнуть.

– Ну, мистер Уинтерс, полдюжины ударов в мою дверь – это сигнал о чем? – спросил Сенлин. – Полагаю, о неприятном разговоре.

Он сказал это в шутку, но годы, которые Эдит провела, управляя бригадами и десятниками, сделали ее чувствительной к снисходительности. Ее подчиненные часто прибегали к издевательствам, поскольку не могли открыто бросить ей вызов. Когда она заводила разговор о неудачной работе, за которую бригадир не хотел брать на себя ответственность, он мог громко размышлять о склонности женщин к мелодраме. Он мог назвать ее «мисс», или «девушка», или – на свое горе – «милочка».

Пытаясь сдержать неуместный гнев, она прочистила горло.

– Как твои дела?

Сенлин не мог себе представить более непонятного вопроса. Ворваться в комнату, в гневе и с красным лицом, чтобы затеять жалкое подобие светской беседы? Полнейший абсурд. Он усмехнулся, и это оказалось последней соломинкой.

– Почему ты скрыл, что видишь галлюцинации? – яростно протараторила она. – И не какие-нибудь, а утраченную жену. Неудивительно, что ты не можешь поддержать разговор или закончить мысль. Ты одурманен! Притворяешься, что ты с нами, но это не так. Ты с ней. И

возможно, ты ничего не можешь с этим поделать; возможно, наркотик отравляет тебя до сих пор, но ты не должен был скрывать это от меня.

Сперва взгляд Сенлина заметался, словно у человека, попавшего в засаду. Природная совесть едва не заставила его забормотать извинения, но он мгновенно отвлекся, осознав кое-что еще.

– Ты читала мой дневник.

– Это не дневник, Том! Это судовой журнал. Публичный документ.

– Это!.. – заорал он и тут же понял, что не может защищаться.

Более того, он даже не понимал, зачем вписывал личные мысли в такой формальный источник. Он же не собирался превращать судовой журнал в исповедь. Поначалу он пытался объяснить некоторые из наиболее... необычных приказов. Это объяснение потребовало, чтобы он раскрыл свое намерение пришвартоваться в Пелфии, что, в свою очередь, вынудило записать кое-какие подробности о Марии. Тот факт, что потерянная жена преследовала его в виде привидения, выскользнул сам собой.

– Это справедливое замечание, – мягко заключил он.

– Она сейчас здесь? В этой комнате?

– Да. – Выражение его лица было непостижимым, как клякса. – Она не всегда со мной. Пытка подчиняется приливам и отливам. – Он взглянул на Марию, сидящую напротив. Мария, надев красный пробковый шлем, кокетливо помахала рукой. – Сейчас прилив.

Эдит проглотила слова, рвавшиеся с языка. Она напомнила себе, что он не просто капитан. Он ее друг. И ее друг страдает. Обвинения могут подождать.

Она глубоко вздохнула, взяла себя в руки:

– Что она делает?

– Скажи этой шлюхе, что я играю на фаготе, – предложила Мария.

– Она тебя обозвала.

– Как именно?

– Я бы предпочел не говорить.

– Она обычно такая, твоя жена?

– Нет, вовсе нет.

– А сейчас стало лучше? – Эдит скользнула на стул, который занимала Мария.

– Я бы назвала это «супружеским блаженством», а ты? – Мария плавно встала, освобождая место.

Она обняла Эдит за шею одной рукой и заговорщически улыбнулась, словно они со старпомом были закадычными приятельницами. Сенлину захотелось схватиться за голову и выбежать из комнаты.

– Не совсем, – сказал он.

Эдит посмотрела ему в глаза:

– Стало хуже?

Он не отвел взгляда:

– Нет, примерно то же самое. Я все еще надеюсь, что мне станет лучше. Передозировка не может длиться вечно.

– Надеешься, – сказала она тоном, который намекал на противоположное. Она ему сочувствовала, но из-за скрытности ощущала себя в каком-то смысле преданной.

Она попыталась придумать вопрос, который дал бы более четкое представление о его душевном состоянии, не превращая разговор в допрос.

– Ты разговариваешь с ней, с этим своим призраком?

– Нет, я всячески стараюсь не беседовать с плодом своего воображения.

Обиженно нахмурившись, Мария ринулась к его шкафу. Распахнула дверцы, запустила руки внутрь. С точки зрения Эдит, в комнате ничего не изменилось. Он один видел, как из шкафа бьет порожденный ею фонтан шелковых одежд и постельного белья.

Он изо всех сил постарался сохранить невозмутимый вид:

– Команде расскажешь?

– Да разве я могу? Если скажу, мне придется... придется взять командование на себя.

Сенлин кивнул, как будто ему предъявили счет, который он предвидел, хоть и не мог оплатить. Он знал, как все обернется, если его сместят. Сперва он превратится в обузу, затем – в бремя и в конце концов станет мельничным жерновом, ломающим шею бывшей команде. Его пародия на поиски пропавшей жены закончится. Призрак Марии будет его преследовать, пока не сведет с ума. В конце концов у команды не останется выбора, кроме как бросить его на какой-нибудь жуткой скале и отправиться на поиски лучшего будущего.

Жалость к себе, вызванная этим видением, была столь же отвратительной, сколь и интуитивной. Он тряхнул головой.

– Ты им расскажешь?

– Нет, – осторожно проговорила Эдит. – Я не думаю, что они последуют за мной. У них все еще много теплых чувств к тебе, Том. Я говорила, когда мы начинали: не хочу быть капитаном. Но я также не хочу умирать. Если тебе мерещатся черти, ты опасен для всех нас.

– Тем не менее, даже одержимый демоном, я умудрился прокормить команду. Я сохранил корабль целым. Пусть меня преследуют призраки, Эдит, но я не умственно отсталый, – сказал Сенлин, собрав ошметки гордости. – По твоим словам выходит, что команда все еще со мной, – а как насчет тебя?

– Это не вопрос преданности, это вопрос руководства. Мы, кажется, бродим в ожидании чуда, и я не уверена, что оно грядет, Том. Как долго мы будем летать туда-сюда впустую и ждать?

Она поняла, что говорит слишком много. Она поставила себя и команду между Сенлином и его женой, что было несправедливо. И все же неуместность таких заявлений ничуть не уменьшила обоснованности ее тревоги.

– Кто-то должен вести нас, – проговорила она настолько нейтрально, насколько смогла.

– И это буду я. Я нашел путь в Пелфию. Я знаю, куда мы должны идти и что делать. Дни скитаний по пустыне почти подошли к концу.

Он рассказал, что узнал от мадам Бхаты о Шелковом рифе и мистике-фанатике по имени Люк Марат. Он пересказал ей слова Бхаты о том, что в Пелфию можно попасть через туннели, которыми пользуются ходы, и что им нужны только книги, чтобы подкупить Марата, который должен показать им путь.

– Ты собираешься отдать ему наши книги?

– Наши книги? – Он взял доставшийся в наследство том по воздухоплаванию. – Нет-нет, если мы их потеряем, окажемся в темноте. Они необходимы для навигации, и, кроме того, их недостаточно, чтобы заполнить школьную сумку. Подарок из них не получится.

– А где же мы возьмем еще?

Этот вопрос беспокоил Сенлина с тех пор, как он вылез из паутины мадам Бхаты. Он чувствовал, к чему приведут размышления, и не хотел доводить их до конца. Но ничего не поделаешь. Ведь они остались без убежища, и теперь, когда об игре капитана Мадда узнали все, небо быстро сужалось. Они не могли и дальше притворяться наполовину пиратами. Они не могли позволить себе быть терпеливыми, а для отваги им не хватало ресурсов.

Существовал только один тип уязвимой цели, на борту которой точно имелись книги: корабли, чьи капитаны явились к Башне, вдохновленные литературой.

Сенлин знал, как им придется поступить, и у него не было иллюзий о том, что это значит. Когда он снова встретится с женой, то уже не будет прежним.

– Мы ограбим туриста, – сказал он.

Глава девятая

*Не нужно быть королем, чтобы оказаться востребованным.
Даже пахарь и доярка считаются экзотическими профессиями в
кольцевых уделах Вавилона.*

Популярный путеводитель по Вавилонской башне, том IV

Сенлин, Эдит и Ирен собрались на узком крыльце живописного коттеджа. Синие и фиолетовые анютины глазки, замерзшие во время прохода через горы, оттаивали в приоконных ящиках под расписными ставнями. Джутовый приветственный коврик под ногами был чист и лежал у двери ровно, а медный молоток отполировали так, что он сиял в полуденном свете.

Сенлин с трудом поборол желание снять шляпу.

Он постучал еще раз, и они услышали, как кто-то – явно не один – рысцой пробежал взад-вперед. Под номером дома из прессованной жести кто-то приписал красивым почерком: «Переулоч Саранчи, 17».

Гарпун Ирен до половины засел в столбике крыльца. На конце троса болталось «Каменное облако», которое выглядело не больше воздушного змея. «Переулоч Саранчи, 17» был вырванным из земли шале, прикрепленным к стеганому мешку, к которому из дымовой трубы шел воздухопровод из просмоленной бумаги. Чтобы назвать это «кораблем», требовалось очень богатое воображение. Хоть Сенлин и оказался в западне на собственном корабле, он мог гордиться хотя бы тем фактом, что его судно никто не принял бы за летающее кафе.

Большинство туристов заметить нетрудно. Их корабли были сляпаны на скорую руку, переделаны из чего-то, держались на честном слове. Визитеры катались в гондолах, которые когда-то были повозками, пивными чанами и ванными. Как-то раз Сенлин увидел туриста, который летел на живой лошади, болтающейся в упряжи под воздушным шаром. Лошадь выглядела глубоко униженной, и ее подташнивало.

На каждого любителя, который одолел горный хребет, приходилась дюжина тех, кого унесли прочь ветра или прикончил холод. Тем, кому хватило сил добраться до Долины, редко удавалось продержаться долго. Большинство оказывались жертвами пиратов. Более стойкие туристы вскоре обнаруживали, что ни один порт их не принимает и у них не остается выбора, кроме как совершить жесткую посадку на Рынке или чего похуже: начать унижительный и по-прежнему опасный путь домой.

Сенлин всегда стремился оставлять эти бесстрашные, хотя и заблудшие, души в покое. Ни к чему преследовать таких беззащитных мечтателей.

Впрочем, это было до того, как капитан Мадд сделал себе имя; это было до того, как стопка книг встала между ним и его женой.

Кто бы ни был внутри, ему потребовалось слишком много времени, чтобы открыть дверь, и Сенлин успел занервничать. Видения заряженной пушки, которую подкатывают ближе, так и плясали у него в голове. Он собирался приказать Ирен взломать дверь, как вдруг та открылась сама по себе, застав их врасплох.

У женщины в дверях талия была тонкая, как пучок пшеницы. Золотистые волосы вились, и еще был фартук, который придавал ей такой пасторально-невинный вид, что Сенлин едва не принял ее за умственно отсталую. У нее было безмятежное, тонкое лицо, по которому сложно угадать возраст, но он предположил, что ей, наверное, лет двадцать пять. Улыбка ее была милой, а реверанс – и того милей.

– Пожалуйста, входите, – сказала она. – Мы как раз садились пить чай.

Трое пиратов, удивленные радушным приемом, молча гуськом вошли в коттедж. Ирен, которая держала пояс-цепь, как гарроту, тайком снова обмотала его вокруг талии. Внутреннее

убранство напомнило домик Финна Голла, и от этой ассоциации ей стало стыдно за то, что они собирались сделать.

На стенах гостиной висели картины, на камине стояли подсвечники, и вокруг они увидели множество других уютных мелочей, свидетельствующих о том, что это место было домом задолго до того, как стало кораблем. Потертый, но красочный коврик лежал под деревянным обеденным столом, на котором стояли заварной чайник, чашки и лежала чистенькая салфетка. Во главе стола в кресле с самой высокой спинкой сидел мужчина с пышными темными усами. Усы выдавали в нем задумчивого, но гордого человека. Рукава его рубашки были накрахмалены, жилет подогнан по фигуре, цепочка часов блестела золотом. Казалось, он привык к любезностям и уважению.

– Нэнси, вижу, ты нашла компанию, – сказал он, вставая, с безупречной вежливостью.

Сенлин слышал, как он и женщина с минуту назад бегали туда-сюда, готовя и чай, и прием, и потому этот театр с притворством его позабавил. Хотя, конечно, здесь не театр: это было вежливое общество – понятие, которое Сенлин почти забыл. И все же он сообразил, что делать, когда усатый протянул ему руку:

– Доктор Луи Пенкасл из Милфорда.

– Капитан Томас Сенлин из Исо.

– Капитан Сенлин? – удивилась Эдит.

– О, нет никакого смысла лгать. Я знаю Милфорд. Всего два часа на поезде от моего старого крыльца.

Доктор выглядел сбитым с толку, но не поспешил забрать руку.

– И я знаю Исо. Но «лгать» – вы о чем?

– С моим именем связаны кое-какие проблемы. Поэтому я часто представляюсь по-другому.

– А-а. В путешествиях с людьми случаются странные вещи, полагаю, – приветливо сказал доктор Пенкасл. – Кем бы вы ни были, откуда бы вы ни были родом, вы наши первые посетители, и поэтому мы приветствуем вас и приглашаем присоединиться к нам за чаем.

– Это довольно щедрое предложение. Но простите, мы не можем остаться надолго.

– Ну что вы, что вы! Ваш якорь торчит из моего крыльца. Чашку чая вы себе можете позволить, – сказал Пенкасл и взмахнул в сторону стройной женщины, которая уже наливала чай. – Кроме того, мы празднуем. Мы в конце долгого пути. Сегодня днем мы впервые пришиваемся в порту Башни.

– В каком? – спросила Ирен, и, хотя она старалась быть не особенно грубой, ее голоса было достаточно, чтобы хозяйка вздрогнула, словно ей что-то бросили в голову.

– В Новом Вавилоне, – объяснил пожилой доктор, сумев обратиться к Ирен, не показывая страха, хотя в противном случае его никто бы не обвинил. – Там процветает промышленность, и у меня есть основания полагать, что она включает в себя производство удивительного наркотика под названием кром. С той поры как прочитал о нем, я представил себе немало всевозможных применений такого препарата, от хирургии до лечения зубной боли.

– Новый Вавилон съест вас живьем.

– Уверен, то же самое может случиться с неосторожным посетителем в городе любого размера. И мы еще не определились с местом назначения. Мы можем пришвартоваться в Пелфии. Я читал, что путешественников там ожидает довольно хороший прием.

Сенлин ухмыльнулся, и доктор успел заметить его жалостливую гримасу.

– Не поймите меня неправильно, я не безрассуден, капитан Сенлин. Я не из тех парней, которые прыгают в бочку и летят в Башню, чтобы найти удачу и славу. Я врач с двадцатилетним стажем. На прошлой неделе я снял вывеску и покончил с процветающей практикой – и я сделал это с целью продолжить свое образование. Я читал о многих инновациях в медицине,

уникальных для Башни. Я пришел учиться во благо своих пациентов и коллег. Я решил вернуться домой лучшим человеком, чем пришел сюда.

– Я когда-то разделял подобное стремление, – сказал Сенлин. – Думаю, вы удивитесь тому, насколько быстрым и болезненным окажется ваше образование. Вы и ваша жена...

– О, нет-нет, это моя дочь, – возразил доктор.

Взволнованный этой ошибкой, которая, казалось, многое говорила о его собственном характере, Сенлин извинился перед покрасневшей и потупившей взор молодой женщиной.

– Прошу прощения за ошибку. У меня плохое зрение. Я уверен, что вы прекрасны и молоды, и...

– Том, – прервала смятенную речь Эдит. Она достала квадрат мешковины, заправленный за пояс, и встряхнула мешок. – Думаю, будет лучше, если ты перейдешь к сути.

– Да. – Он взял себя в руки. – Боюсь, мне придется одолжить у вас несколько книг.

Сенлин тайком дал Ирен и Эдит сигнал. Обе вышли из гостиной, чтобы пройти в другие комнаты в доме. Нэнси побежала за ними, щебеча: «О, я покажу вам мою спальню».

– В чем дело? – спросил доктор, переминаясь с ноги на ногу и не зная, надо ли ему остаться и разобраться с посетителем в гостиной или помчаться вслед за двумя воздухоплавательницами, которые вели себя как дома. – В каком смысле вы хотите одолжить у меня книги?

– Полагаю, у вас есть «Популярный путеводитель»?

– Все восемь томов, – сказал доктор, поправляя жилет. – И алфавитный указатель. Как бы я прибыл сюда без путеводителя?

– Как насчет «Устной истории Башни» Толберта?

– У меня есть первое издание.

– А «Антропология Вавилона» Франбуаза?

– Конечно! И раз уж вы об этом заговорили, у меня также есть «Размышления о Столпе» Джона Кларка и «Стилус наций» Филипа Борджа. Как я уже сказал, я не парнишка в бочке! Я пришел подготовленным. Я принес десятки книг, которые описывают Башню со всех сторон, с любой точки зрения.

– Хорошо, я забираю их.

– Вы не можете. Они нужны мне, нужны для справок. Как еще я смогу узнать обычаи мест, где мы высадимся? Как я смогу ориентироваться в благородных собраниях и учебных заведениях без руководства? Вы бы оставили слепого в чужом лесу?

– Я бы отправил слепого домой, – сказал Сенлин, пытаясь успокоиться в ответ на растущее беспокойство доктора. – В это, может быть, трудно поверить, но я спасаю вас и вашу дочь от катастрофы. Башня, которую вы ожидаете найти, и та, что стоит за вашими окнами, – не сестры-близнецы, а противоположности. Когда-то я был похож на вас. Я пришел в Башню, надеясь улучшить свои знания о мире. Но правда не то, с чем Башня расстается с радостью. Конечно, о таком ни слова не написано в этих коварных путеводителях и философских трактатах.

– Пожалуйста, не оскорбляйте меня! Если они так бесполезны, зачем их красть? Нет, вы сейчас пытаетесь заключить сделку с совестью, и вам не удастся воспользоваться мною ради укрощения своего чувства вины. Я открыл вам дверь. Я протянул руку – и такова моя награда? – Воротник доктора натянулся на набухшей шее. Он вскинул подбородок, надвинулся на Сенлина, чуть ли не наступая ему на ботинки. – Вы вор. Пират! И, как любой пират, вы таким не родились – вы до такой жизни докатились из-за собственного цинизма. Ведете себя так, будто заслуживаете обогащения за мой счет, и к тому же у вас хватает наглости оправдывать это, это... этот нарциссизм с подобием уверенности в том, что вы делаете мне одолжение?

– Поверьте мне, если приблизитесь к Пелфии, вас соьбют.

– Ба! Вы выдаете себя за ученого, читаете названия книг и говорите о знании. Но какой ученый испортит собственную репутацию и сменит имя? Шарлатан, вот вы кто!

Из комнаты в доме послышался короткий крик, и доктор рванулся к двери.

– Нэнси! Нэнси! Не смейте к ней прикасаться! – кричал он.

Сенлин схватил его за плечи, не давая уйти. Испуганный доктор повернулся и отвесил капитану яростную пощечину.

Удар отрезвил врача больше, чем ранил Сенлина, который лишь подвигал челюстью и покрепче сжал рубашку Пенкасла. Когда их взгляды встретились снова, доктор увидел в глазах пиратского капитана вызов, к которому оказался не готов, и уверенности в нем поубавилось.

А вот Сенлин нашел доводы Пенкасла убедительными. Он старался оставаться таким, каким был, и становится лишь тем, кем должен. Он пытался быть джентльменом-пиратом, начитанным грубияном и потерпел неудачу по обоим пунктам. Возможно, его упрямая двуличность способствовала болезни, подогривала мучительные видения.

Сенлин не знал, хочет ли он поздравить доктора с удачно поставленным диагнозом или задушить за оскорбление.

Нэнси ворвалась в комнату, а за ней следовали Ирен и Эдит, обе несли мешки, из которых выпирали уголки книг.

– Пожалуйста, пожалуйста, – сквозь слезы умоляла Нэнси, сжимая в руках толстую книжку, – не забирайте мой дневник. Это мое доверенное лицо, это моя маленькая душа. Возьмите серебро! Возьмите фарфор! Пожалуйста, оставьте мою книгу...

Мольбы девушки тронули Сенлина. Он отпустил ее отца:

– Мне жаль, что мы ранили вас. Можете оставить книгу себе, Нэнси.

– Да уж, мою дочь это весьма утешило. Не притворяйся благоразумным. Ты не благоразумный человек. Ты бандит!

– Я просто озлобился, – сказал Сенлин, которого тошнило от гнева и отвращения.

– Грабитель! Хулиган! Я не верю, что ты когда-то был другим.

Эдит быстро шагнула вперед и стукнула мужчину по уху.

– Хватит, – сказала она, когда Пенкасл отшатнулся, прижимая ладонь к голове. – То, что вы не признаете милосердия, не означает, что вам его не выказали.

– Но зачем ему забирать мои книги? – взмолился доктор.

Его подбородок блестел от слюны, самообладание лежало в руинах.

– Потому что они нужны Башне, – сказал Сенлин.

Глава десятая

В мире природы существуют две разновидности трепета: плотский трепет, связанный с размножением, и гипнотический трепет, испытываемый добычей определенных хищников, таких как горностай.

После многих лет наблюдений я все еще не понимаю, какой именно трепет внушает мне Башня.

Размышления о Столпе, Джон Кларк

Волета Борей никогда не относилась к тем людям, что любят мечты или праздные размышления. Причина, по которой человек может притворяться, что находится где-то еще, когда вокруг столько неизведанного, была для нее абсолютной загадкой. Схожим образом она не любила спать. Сон подобен затмению: он так же тревожно прерывает совершенно хороший день. Она дремала, но только в опасных местах – на перилах, корабельном носу и в такелаже, потому что невозможно спать крепко, балансируя на краю. Она была бдительна, неутомима и постоянно искала новизны.

Короче говоря, она была идеальным дозорным.

С той минуты как они вышли из порта Голла, она взяла на себя обязательство беречь команду «Каменного облака» от засады. Она обладала исключительным талантом: вглядываясь в комариный рой торговцев, крейсеров, боевых кораблей и туристов, определяла проблему, пока та еще оставалась далеко и от нее можно было ударить.

Обнаружение пиратов представляло собой искусство. В точности как любая раковина может стать домом для краба-отшельника, любой корабль может быть пиратским кораблем. Более чем доказанный факт! Вопреки множеству приключенческих историй, пираты никогда не летают под черным знаменем или флагом с костями. Они часто выглядят весьма невинно. Единственный надежный способ отделить пиратов от законопослушной публики – обозначить их курс. Корабли, которые бродили кругами, или пристраивались хвостом к другим кораблям, или быстро прыгали между течениями, вызывали у Волеты подозрения. Если такое судно поворачивало и ложилось на перехват «Облака», она требовала изменить курс и они убегали, прежде чем ловушка могла бы захлопнуться.

Хотя она беспокоилась не только о пиратах.

За «Каменным облаком» тянулся след из ограбленных торговцев, и каждый хотел отомстить. И еще был «Арарат», флагман Комиссара, который нес достаточно орудий, чтобы обезглавить гору.

Капитан не сомневался, что Паунд не остановится ни перед чем, чтобы вернуть украденную картину, и поэтому почти ежедневно убеждал Волету продолжать следить за дредноутом. Впрочем, ее не приходилось слишком уж уговаривать сохранять бдительность; все они были хорошо знакомы с жестокой тактикой Паунда. Он погубил невинный торговый корабль и опустошил порт, чтобы добраться до капитана.

В начале путешествия Волета спросила, почему бы просто не продать или не выбросить картину, раз от нее такие беды. Капитан ответил: «Я бы бросил ее за борт в одно мгновение, если бы думал, что это положит конец погоне Комиссара. Но к несчастью для нас, картина и отпугивает его, и манит. Паунд не собьет нас, пока думает, что картина на борту, но и он не отзовет погоню, пока не вырвет из наших рук желаемое».

К счастью для них, силуэт у «Арарата» был уникальный – словно блиндаж, повисший на трех черных сливах, – и опознать его было легко. «Каменное облако», с другой стороны, выглядело безобидным, и его легко было не заметить. Волета провела много часов на мягкой макушке корабельной оболочки, сидя в ямочке теплого шелка, наблюдая за небом в поисках

ужасных очертаний. Она несколько раз видела «Арарат» на расстоянии, и они приняли меры предосторожности, нырнув в облако на несколько часов. Уклонения стали рутинными.

Однако сегодняшний день был далек от рутины. Сегодня Волета впервые в жизни замечталась.

Во всем виновата Пискля. Белке нравилось, когда за ней гонялись, а Волете нравилось потакать питомцу, особенно когда у всех на борту настроение необъяснимым образом испортилось, после того как они вернулись с мешками книг из летающего коттеджа. Пока команда куксилась внизу, Волета преследовала белку-летягу среди такелажа.

В течение получаса Пискля ускользала от нее с легкостью. Ценой немалых усилий Волете удалось загнать хитрую зверушку на верхнюю часть оболочки. Беличьи лапки барабанили по воздушному шару, как пальцы по столешнице. Волета потянулась к летяге, но Пискля, вместо того чтобы отступить, кинулась вперед, подбежала к рукаву девушки, выскочила из-за воротника и, щекоча шею, забралась в волосы. Как будто электрический разряд пробежал через руку Волеты и вышел через макушку.

Обессиленная и развеселившаяся, она бросилась на большой матрас. Пискля свернулась клубочком в ее шевелюре и быстро уснула. Волета лежала в оцепенении, глядя на пустое небо.

Она задавалась вопросом, как долго Пискля просидела бы в маленькой ротанговой клетке, прежде чем получила бы свободу. Дни? Месяцы? Она родилась в неволе или попала в плен? Волета вообразила себе, как нежное существо часами ходит взад-вперед, словно маятник, ударяясь головой о все ту же преграду. Как она не сошла с ума и не покалечилась? Волета представила себе, что уменьшилась до размеров белки. Представила, как роет пол, пока пальцы не начинают кровоточить, а дощечки не покрываются пятнами и неровностями, пока ничего не остается, кроме этого рытья, и она роет, забыв обо всем, роет без надежды на спасение.

Она вдруг вспомнила Родиона, своего старого конферансье и сутенера, который стоял над ее койкой в темноте, пока она притворялась спящей. Другие девушки спали в больших, роскошных кроватях с отличными льняными простынями, но такую постель приходилось делить с ужасными мужчинами, которые, похоже, рыли полы собственных невидимых клеток. Она не завидовала тем девушкам. Ее койка в углу гримерки за кулисами в «Паровой трубе» была привилегией звезды. Но слава не могла защитить ее от похоти Родиона. Волета знала, о чем он думает, пробираясь тайком в ее комнату, потому что сутенер часто говорил о своей мерзкой дилемме. «Не могу определиться, – повторял он, – надо ли тебя продать или воспользоваться тобой самому».

Она часами лежала и слушала его тяжелое дыхание.

А потом сквозь туман воспоминаний прорвалась знакомая фигура, и Волета поняла, что слепо таращится на «Арарат».

Она не поверила глазам. Она выставила руку и закрыла похожую на крепость гондолу большим пальцем, а потом перевела взгляд туда-сюда, рассчитывая расстояние: половина лиги. Немыслимо. У борта летающей крепости блестели на солнце шлемы, орудия и гарпуны.

«Арарат» готовился к бою.

Их засекли.

Осознание того факта, что «Арарат» не собьет их сразу, утешало слабо. Команде «Каменного облака» не суждено умереть, рухнув с неба, как метеор, лишь потому, что Паунд намеревается искалечить их корабль и взять на абордаж.

Сенлин знал, что Комиссар – мстительный человек. Паунд получил немалое удовольствие, созерцая публичное унижение и избиение, которые сопровождали «суд» над Тарру, завершившийся приговором к ходству. А ведь Тарру когда-то блистал на приемах самого Комиссара и лишь припозднился с оплатой счетов. Сенлин же ограбил и унижил тирана. Их судьба будет куда хуже рабства, в этом он не сомневался.

Сенлин был полон решимости защитить команду от захвата и пыток со стороны Комиссара. Если придется собственными руками погубить корабль и всех на борту, что ж, он и к такому готов. Он сам не знал, была ли эта решимость трусливой или милосердной. Он старался не думать об этом слишком много.

– Догоняет быстро, – сказала Эдит, прикрывая глаза от солнца. «Арарат» парил между ними и светилом. «Каменное облако» висело в ярко освещенном небе, беззащитное. – Вверх или вниз, капитан?

Он застегнул шюртук и поправил треуголку, словно то был руль его мыслей. Небо было чистым, без единого облачка. Стоял один из тех кристально-ясных дней, что предшествуют лету и губят даже лучшие уроки, зачаровывая учеников. Сейчас он был как никогда готов заплатить любую сумму за тучи.

Спрятаться было негде, не считая покрова у вершины Башни, так называемого Небесного Воротника, который, по слухам, представлял собой смертельный туман. В любом случае до него слишком далеко. Нет, надо снижаться. «Арарат», конечно, не отстал бы от них на пути вниз, но Сенлин подозревал, что огромный боевой корабль не сможет так же проворно поменять курс и снова подняться. Если ему удастся вынудить «Арарат» опуститься достаточно сильно, – кто знает, вдруг дреднот Комиссара потеряет управление и врежется в землю? «Каменное облако» в этом случае сыграло бы роль плаща матадора.

– Мистер Борей, закройте воздухопровод и откройте клапаны. Мы спускаемся. Сколько балласта можно использовать?

– Резервуар полон, – сказала Эдит. – В остальном мы странствуем налегке. Возможно, придется выбросить мебель.

– Это будет захватывающе. Волета, Ирен, берите топорики. Заступайте на дежурство возле борта. Если они выстрелят из гарпунных пушек, рубите тросы.

– Да, сэра, – сказала Волета, но не пошевелилась.

Никто не шелохнулся. Они стояли, словно привинченные к палубе, уставившись за спину Сенлина, на приближающийся военный корабль.

У «Арарата» имелось кое-что общее с кораблями туристов: он не был похож на судно. Создатели этого монстра отвергли всякое прихотливое почтение к морской родне в пользу более практичного и жуткого облика. Это был замок: с зубчатыми стенами, бойницами для орудий, с трапом в виде подъемного моста. Черный как смоль, но под лаком скрывались кости леса – сотни деревьев были ободраны, согнуты и скручены в корпус такой прочности, что он мог выдержать попадание пятифунтового пушечного ядра. Воинственные габариты корабля позволяли ему загнать другое судно в стену или забить в землю. Его атаку нельзя было отбить, и если он выстреливал в противника крючьями – тот уже не мог сбежать.

Сенлин стукнул по палубе аэрожезлом. Его то ли карта, то ли дубинка издала звон, точно молоточек судьбы. От звука все вздрогнули.

– Где моя команда? – рявкнул он, заглядывая им в глаза. Бедолаги отворачивались, втягивали головы в плечи, сутулились. – Где храбрецы, которые однажды выстояли против «Арарата» без соратников и даже без единой пушки? Где та дерзкая банда, которая избавилась от хозяев и отвоевала право следовать собственной воле и прихоти? Эта компания наемников, с которой мы столкнулись сегодня, сражается ни за что. Их интересует только жалованье. Их интересуют амбиции, продвижение по службе, медали на груди. Они сражаются за человека, который не заслуживает уважения, человека, который вынужден носить маску, потому что у него аллергия на весь белый свет. Он прячется, потому что боится – боится нас, и не зря! Мы боремся за свободу и воюем друг за друга. Наша дружба делает нас опасными; мы черпаем мужество в нашей верности. Итак, я спрашиваю еще раз: где моя команда? Где моя команда?

Его речь сломала гипсовый кожух страха, который затвердел и обездвижил их сердца и руки с ногами. Они бросились к рулю и ограждению борта. Ирен вытащила из ящиков пеструю

коллекцию оружия – сабли, пистолеты и мушкеты. Волета достала топорики и снова наполнила угольное ведро, а ее брат изучил показания барометра и анемометра на своем посту, предсказывая по данным старинных приборов, как далеко они могут опуститься, прежде чем земля их откажет отпустить. Эдит задраила люки и заперла большую каюту, а затем начала помогать Ирен заряжать пушки, действуя проворно и уверенно.

Сенлина замутило, когда корабль начал быстро снижаться. Ветер свистел вокруг них, и тросы застонали, когда вес гондолы уменьшился. Адам был надежным пилотом, но все равно падение казалось слишком стремительным. Сенлин надеялся, что его речь не побудила юношу к безрассудству.

Рынок под ними выглядел поперечным сечением легкого: проходы между навесами и палатками из плотной ткани и более широкие железнодорожные пути дробились, ветвились, разделялись надвое снова и снова. Спускаясь, они попали в вялое южное течение, и «Арарат», находясь во власти более высокого и проворного потока, быстро надвигался, превращаясь в тень над «Каменным облаком». Наблюдая за птицами, которые металась и собирались в стаи между сближающимися кораблями, Сенлин ждал каких-либо признаков того, что ветер меняется в их пользу. Но ничего не видел. Он бы хотел, чтобы «Каменное облако» стало птицей, способной кружиться и взлетать по собственной воле, а не мчалось вниз, словно опавший лист!

– Это была прекрасная речь, Том, классический образец красноречия. Ты мог бы стать политиком, не будь таким сентиментальным дураком, – заметил стоящий рядом призрак Марии. Ее щеки алели, губы припухли, словно она выпила что-то очень горячее. Она погладила его и продолжила: – Но ты не можешь уговорить ветер измениться. Ты правда больше ничего не можешь сделать.

Он забеспокоился, увидев, что она пилит толстый джутовый канат, который в числе прочих привязывал корабль к оболочке с водородом. Он узнал этот нож. Он лежал в ящике стола на кухне его домика; это был его нож – нож, которым он чистил рыбу и резал фрукты. Она трудилась не покладая рук, и джутовые волокна лопались одно за другим.

– Ты обещал, что не допустишь, чтобы они угодили Комиссару в руки. Сдержи обещание. Хватай нож, Томми, и начинай пилить. У нас заканчивается небо.

– Прошу тебя, умоляю, оставь меня в покое. Я не могу... – сдавленным голосом прошептал Сенлин.

– О, так ты меня слышишь? – Она на мгновение перестала пилить и вгляделась в его лицо, сморщенное от мольбы. – Это твой любимый нож. Однажды ты отругал меня за то, что подрезала им метлу. Помнишь, да? Ты обращался со мной как с ребенком. Я не была на самом деле твоей женой. Я была ученицей. Мы оба должны принять этот факт. А вы извращенец, директор Сенлин, – выбрали себе жену из списка учеников, это же надо было додуматься.

– Прошу тебя! – прошипел он. – Мне очень жаль. Я скоро расскажу тебе, до чего мне жаль. Но прошу, оставь меня в покое на день. Я хочу нас спасти, но не смогу, не смогу, пока ты здесь. Ты меня погубишь.

Ветер свистел, палуба дрожала. Мария опробовала острие ножа на кончике пальца и бросила на Сенлина задумчивый взгляд:

– Мне нравится, когда ты говоришь со мной, Том. Но обещай делать это чаще. Один день. Я дам тебе один день. Если будешь меня игнорировать потом, я рассержусь.

– Если я тебя проигнорирую, это будет означать, что я мертв, – сказал он, а потом огляделся по сторонам и, взглянув в видение в глаза, продолжил: – Обещаю. Поговорим об этом завтра.

Волета высунулась из такелажа и прокричала какое-то предупреждение, которое сожрал ветер. Сенлин отвернулся. Когда он снова взглянул туда, где стояла Мария, ее уже не было.

– Они почти над нами, капитан! – повторила Волета. Черный «Арарат» почти исчез из вида – его заслоняла оболочка «Каменного облака».

Сенлин посмотрел вниз. До земли оставалась, наверное, тысяча футов, и они все еще снижались слишком быстро.

– Запускайте топку, мистер Борей. Надо замедлить ход.

– Слушаюсь, сэр, – отозвался Адам.

– Если не сбросим балласт, из-под него не выберемся, – предупредила Эдит, высунувшись за борт корабля.

– Он утыкает нас гарпунами, когда будем проходить мимо, – сказал Сенлин.

– Значит, придется попотеть. Сейчас мы гвоздь, а «Арарат» – молот. Нас забьют в землю, капитан, – предостерегла Эдит.

Сенлин хотел сохранить прежний курс и дожидаться низкого течения, которое могло бы унести их из тени военного корабля. Но надежда была слишком зыбкой, чтобы положиться на нее, рискуя их жизнями. Он хлопнул ладонью по фальшборту и приказал сбрасывать балласт.

Адам передвинул рычаг рулевой консоли вперед, но на полпути перестал чувствовать всякое сопротивление. Рычаг упал обратно, как сломанная конечность. Юноша с растущей тревогой повторил действие, но результата не дождался.

– Балласт, Адам! – заорал Сенлин, взбегая по ступенькам на кварталдек.

– Ничего не получается. – Адам присел на корточки и распахнул дверцу рулевой консоли. – Тут лужа масла.

– Что это означает?

– Гидравлический провод где-то сломался. Я не могу это исправить.

– Ирен! – крикнул Сенлин, приложив ладони ко рту. Великанша посмотрела на него с главной палубы, где стояла, вбивая заряд в ствол мушкета. – Балластный люк заело. Сможешь его открыть?

Она стукнула шомполом в последний раз и бросила заряженный мушкет Эдит, та схватила его на лету. Потом амазонка забралась на полубак и подняла доски, под которыми скрывался резервуар. Когда она прыгнула в него, взметнулся фонтан.

– Я их больше не вижу, капитан, – сказала Волета, сползая по тросу на палубу.

Она перебежала от левого борта к правому и обратно. Указала на восток. Там на земле росла и приближалась тень «Каменного облака», отмечая их падение. Силуэт надвигался на них, летя через навесы Рынка. Куда более внушительная тень «Арарата» ложилась поверх их собственной. Две тени сближались, щель света между ними становилась все уже, и в конце концов они слились.

Доски под ними вздрогнули, по такелажу прошла волна. Корпус закружился и задержался, словно доска качелей, которые толкают неравномерно.

– Они сверху, – проговорила Волета.

С неба упала веревка. За нею последовала другая, а потом еще и еще, с обеих сторон. Концы веревок дергались и подпрыгивали, словно змеи, которых держат за хвосты. Кто-то спускался по ним. Еще немного – и агенты Комиссара хлынут на борт. И тогда команда «Каменного облака» будет побеждена.

Глава одиннадцатая

Клан Пеллов выделяется придворными манерами. Любой Пелл всегда хорошо одет, сладко надушен и служит образцом самой современной моды. В целом они безобидны, но отличаются прискорбной болтливостью: тот, кого загнал в угол какой-нибудь Пелл, всерьез рискует оказаться очарованным до смерти.

Антропология Вавилона, А. Франбуаз

Молодой аристократ никак не мог перестать возиться с широким синим галстуком. Прибирал и выверял складки, то вытаскивал, то заправлял обратно под шелковую рубашку всякий раз, когда замечал свое отражение в оконной створке. Поскольку он не мог перестать расхаживать по каюте – которую капитан провинциального воздушного корабля оптимистично окрестил «Покоями маркиза», – отражение появлялось с безумной регулярностью. И с проклятым галстуком вечно было что-то не так.

Истина заключалась в том, что девушка испортила всю поездку. Он был начинающим орнитологом, и эту трехдневную экспедицию организовал его отец, влиятельный казначей Пелфии, с целью упрочить положение сына в этой области. Молодой аристократ должен был определять и записывать прохождение перелетных птиц, в особенности осоеда. Но вместо этого служанка, которая приносила завтрак, чай и ужин, околдовала его. Расписание, согласно которому она приходила и уходила, едва оставляло ему время, чтобы собраться с мыслями, прежде чем чаровница появлялась опять, распаляя желание в ущерб научным исследованиям.

Он таких женщин раньше не видел. Темнокожая, как кофейное зерно, и с большим ртом. У ее фигуры были такие экстравагантные изгибы, на фоне которых любая девушка из Пелфии возбуждала столько же чувств, сколько и метла.

Она, очевидно, не была им так увлечена. Она не ответила ни на одно его игривое замечание. Он сперва пытался поразить ее познаниями в орнитологии, но она лишь закатила глаза, продемонстрировав белки без единого пятнышка, и ответила, дескать, «в курицах ничего не смыслу». Он показал ей свои научные приспособления – полевой бинокль, телескопы и кронцикуль, которым собирался измерять череп и клюв осоеда, если посчастливится раздобыть таковые, – но эти прекрасные инструменты удивили ее не больше каких-нибудь ложек.

Неудачи не отрезвили его, как холодный душ, но лишь разожгли похоть. Будь это его собственный корабль или отцовское судно, а не зафрахтованный шлюп, он бы смело поразил ее глубиной своих чувств. Но у нее, кажется, были родственники среди команды, и он не в том положении, чтобы начинать рискованное агрессивное ухаживание. У него не было выбора, кроме как добиваться ее расположения. Но как?

До чаепития оставалось две минуты. Он должен что-то сказать. О погоде? Слишком банально. О его родословной? Слишком внушительно. О ее родословной? Слишком уныло. Что тогда?

Он развеял свое беспокойство, сорвав галстук и повязав заново. Он как раз придавал фестончатому краю безупречное расположение, когда его взгляд привлекло нечто за оконным стеклом. В некотором отдалении два корабля, маленький и большой, как будто спаривались. Он тотчас же узнал главное судно: «Арарат», флагман армады Комиссара. Комиссар Купален служил Пеллам, разумеется; из чего вытекало, что этот корабль в каком-то смысле на службе его отца, то есть в некотором роде под командованием самого молодого орнитолога. Ну, так он решил для себя.

Юноша распахнул окно и взглянул на два корабля в бинокль. Его шлюп летел низко, потому что в высоких течениях похолодало, и ему это не понравилось. Как хорошо, что он потребовал принять меры! Теперь у него прекрасный вид на воздушное представление.

Было очевидно, что «Арарат» подстерег судно – вероятно, пиратское, – которое безгранично уступало ему по силе, и теперь собирался взять его на abordаж. К кораблю уже тянулась дюжина тросов, и элегантные агенты в опрятных темно-синих мундирах спускались со всех сторон. На пиратском корабле не хватало людей: орнитолог насчитал всего четверых. В бинокль они выглядели маленькими, как фигурки из музыкальной шкатулки. Из дула игрушечного пистолетика вырвалось облачко дыма, и агент, спускающийся по тросу, свалился и упал, хватаясь за грудь.

Молодой орнитолог взволнованно оторвался от бинокля.

– Комиссар поймал банду, полную сил. Как весело.

Над его дверью звякнул колокольчик, и он крикнул, позабыв, кто стоит за порогом:

– Да-да, входите!

Вошла миловидная горничная с серебряным подносом в руках и направилась к столу.

– О, оставь это! Оставь и иди сюда, – возбуждено сказал орнитолог, вновь приликая к биноклю. – Один мой военный корабль захватил пиратское корыто!

Пока команда «Каменного облака» пыталась перезарядить древнее огнестрельное оружие, агенты спускались на палубу по веревкам. Адам засыпал черный порох в дуло мушкета, когда позади него на четвердеке что-то стукнуло – появился агент с аккуратной бородкой. Адам швырнул кисет с порохом в противника, пока тот вытаскивал саблю. Порошок влетел агенту в лицо, тот вздрогнул и чихнул. Его клинок со звоном упал на палубу. Адам пнул ослепшего врага каблуком, и тот кувыркнулся через балюстраду.

Адам повернулся и увидел, как другой агент запрыгивает на главную палубу. Волета висела среди такелажа, зацепившись коленями. Она сражалась с ржавым пистолетом, который сломался, прежде чем ей удалось выстрелить. Ударник отвалился от пороховой полки. Она собиралась его снова прикрепить, пусть даже порох и сыпался наружу. Агент прицелился в Волету из нового пистолета, отслеживая ее рассеянное покачивание рукой.

Недолго думая, Адам схватил валяющуюся на палубе саблю, вскочил на рулевую консоль и прыгнул с четвердека.

Эдит отбросила разряженное кремневое ружье и подсчитала выживших из первой волны агентов: всего пять. Она знала, что топка будет первой целью abordажной команды, которая захочет покалечить корабль, поэтому расположилась перед нею и вытащила саблю. Трое мужчин бросились к ней, их клинки образовали трезубец. Она отвела первый и прокрутила его вокруг своего плеча. Второй клинок схватила перчаткой, испускающей пар, и переломила на трех четвертях от острия. Третий зубец атаки она едва успела отразить этим же обломком.

Нападение сорвалось, агенты отпрянули.

Эдит бросила стальной обломок в человека, которому он принадлежал, и агент рефлекторно попытался поймать летящий предмет. Кусок полированной стали пронзил его ладонь и воткнулся в шею, хлынула кровь.

Когда агент упал, его соратники обернулись и обнаружили, что вскоре та же участь постигнет и их.

– Видишь, «Арарат», большой черный корабль под красивыми золотыми знаменами, прижал маленькое судно. Оно не может опуститься еще ниже, потому что разобьется о землю, и оно слишком маленькое, чтобы поднять дредноут, – объяснял молодой орнитолог горничной, которая таращилась в бинокль с открытым ртом. Наконец-то он обнаружил нечто, достойное ее внимания. – Поэтому у них всего два варианта: уступить или сопротивляться и погибнуть.

– Кто они такие?

– Пираты, разумеется.

– Откуда вам знать?

– Потому что их преследует мой Комиссар, потому что они бегут и потому что они сопротивляются. Пираты довольно глупы. – Он взглянул в подзорную трубу, а потом незаметно переместился за спину горничной, которая перегнулась через подоконник.

Она его словно и не замечала. Он почувствовал себя уязвленным из-за такого безразличия к близости тел, но вряд ли ее можно было винить. Сцена была захватывающей.

Симпатичная пиратка повисла среди такелажа корыта, словно вишенка на дереве, а под нею молодой пират бросился на агента Комиссара.

– Только взгляни на него! Повязка на глазу и все такое. Не могу дождаться, чтобы рассказать братьям. Настоящий пират. Посмотри, как он мечется. Очевидно, что у него нет никакой военной подготовки.

– Может быть, он ее любит, – проговорила горничная, наблюдая, как отчаянный парнишка-пират сражается врукопашную с агентом. Они катались туда-сюда, пытаясь вырвать друг у друга единственный пистолет.

– Ну еще бы, как не полюбить такую шлюшку. Я и сам влюбился. Ах, если бы меня приласкала пиратка... – Они увидели, как девушка с густой черной шевелюрой упала на спину человеку в мундире, который прижал одноглазого парня к палубе. В руке у пиратки был топорик, и она сделала нечто ужасное с затылком агента.

Орнитолог ахнул.

– Да уж, она бы тебя приласкала... – невозмутимо проговорила горничная чуть слышным шепотом.

Орнитолог бросил на затылок прелестницы взгляд, полный неприкрытой похоти. Она распалилась. До чего же славно. Он облизнул губы и снова заглянул в подзорную трубу:

– А вот и подкрепление.

Сенлин знал, что где-то внутри летающей крепости, которая взгромодилась на «Каменное облако», где-то посреди пушек, ухмыляется под черной резиновой маской Комиссар. Сенлин также был уверен, что Паунд не станет опять ввязываться в драку, после того как едва избежал смерти во время их последней встречи. Нет, если он и увидит Паунда снова, то лишь на своей собственной казни.

Сенлин наблюдал с полубака, как новая волна агентов скользит по тросам с тени «Аарарата». Он уже сбил с веревок пару атакующих, орудуя аэрожезлом. И собственная жестокость подействовала, как стаканчик бренди, наделив ясностью мыслей и бдительностью. Было очень странно обнаружить у насилия такой эффект, и он задался вопросом, не похоже ли оно на бренди в другом смысле: вдруг насилие в малых дозах отрезвляет, а в избытке – пьянит? Можно ли вершить убийства ответственно, соблюдая некое подобие приличий? Неужели жестокость, как вино, была повитухой философии?

Выстрел сзади развеял иллюзию ясности мыслей. Он повернулся и увидел, как агент падает лицом вниз на ступени полубака и в его спине дымится дыра. Эдит, оторвав взгляд от прицела, отсалютовала Сенлину пистолетом с главной палубы. Он ответил таким же хладнокровным приветствием и повернулся вовремя, чтобы воспрепятствовать человеку, который как раз коснулся фальшборта мысками ботинок.

Он знал, что так не может продолжаться вечно. У Паунда было больше людей и пороха, чем у них – возможностей сопротивляться. Сенлин охранял открытый резервуар, из которого пока еще не выбралась Ирен. Чувствуя, что амазонка не выныривает слишком долго, Сенлин присел и заглянул внутрь, высматривая ее. Он ничего не увидел, кроме чернильного блеска воды в неосвещенном трюме; время от времени оттуда доносились вздохи. Если он пойдет за ней, то оставит нос беззащитным и их смогут захватить, – впрочем, пока они зажаты под дредноутом, это неизбежно. Они оказались в ловушке того же мертвого ветра, что и военный корабль, и между ними и Рынком всего несколько сотен футов воздуха. Сенлин видел, как

жители рынка встречали разбившиеся суда: обглаживали, словно жуки-трупоеды. Его труп, вероятно, будет еще теплым, когда какой-то богатенький турист начнет дергать его за ботинки.

Ирен вырвалась из воды и судорожно втянула воздух. Ее руки позеленели от водорослей; Сенлин схватил ладонь амазонки, помогая выбраться.

– Не могу открыть изнутри. Заело намертво. – Она дрожала, губы побелели. – Придется ломать снаружи.

Она схватила топор с короткой ручкой, который Волета оставила, чтобы рубить тросы захватчиков. Намотала один конец своей цепи с крюком на крепежную утку на палубе, а другой – на собственное предплечье.

– Мне нужна всего минутка...

Она уже собиралась прыгнуть за борт, когда Сенлин ее остановил:

– Постой! Мы пока не можем рвануть с места в карьер. Надо сперва выбраться из-под «Арарата», иначе это будет пустая трата балласта.

Оба пригнулись, когда над головами просвистела пуля. Стрелявший агент понял, что промазал, и попытался забраться назад по веревке, на которой болтался. Ирен схватила кофель-нагель с фальшборта и швырнула в захватчика. Деревянный штырь ударил агента в лоб, и он упал, как камень.

– Ну и как мы собираемся это сделать? – спросила амазонка.

Сенлин посмотрел на Рынок. Они были достаточно низко, чтобы разглядеть людей, а также верблюдов, носилки и пегих лошадей на узких улочках базарных трущоб. К запаху свежего белья примешивалась нотка гнилья. Приближался поезд, волоча за собой шлейф пара.

– Надо спуститься.

– Воздуха недостаточно.

– Нам нужен не воздух, а ветер! – отрезал Сенлин и вытащил гарпун из гарпунной пушки.

– А вот и пятый пират. Ого, какой амбал! Только вот непонятно, мужчина или женщина. Оно только что выползло из носовой части корабля. О, оно стукнуло агента по башке! – Орнитолог вот уже несколько минут комментировал происходящее.

Горничную осенило, что любопытство поставило ее в уязвимое положение. Но сцена была такой захватывающей. Она не могла отвести взгляд. Женщина с механической рукой отбила дюжину разряженных мужчин без посторонней помощи. Всякий раз, когда воздухоплаватель Комиссара падал под ударом ее сверкающего кулака, горничной хотелось вопить от восторга.

– Ты это видишь? Смотри на нос, куколка, – ворковал орнитолог. – Я думаю, адмирал что-то замышляет.

Пока они наблюдали, человек в черной треуголке бросил гарпун в подбрюшье корабельной оболочки. Колючка гарпуна зацепилась за шелк, и пират дернул трос, открыв прореху. Вокруг нее ткань воздушного шара пошла волнами и начала деформироваться.

– Это как смотреть на гадюку, которая кусает сама себя, – сказал орнитолог. – О, на сколь безумные поступки способны отчаявшиеся люди!.. – Он одолел то маленькое расстояние, что еще разделяло их, и прижался к горничной, как к двери, которая не желает открыться.

Темнокожая девушка пристально смотрела вперед, жалея, что не может через бинокль проникнуть на этот героический корабль, пусть его и поджидал злой рок.

Когда капитан бросил гарпун в оболочку, Ирен уверилась, что он тронулся умом. Ей пришлось сдерживать себя, чтобы не схватить его за шею и не встряхнуть, – впрочем, наверное, сдержалась она не благодаря силе воли, а из-за потрясения. Края проделанной им дыры затрепетали, зашевелились, и миг спустя она запечаталась.

Между кораблями появился зазор. «Каменное облако» наполовину выскользнуло из тени «Арарата», прежде чем тот опять его придавил. Двигалось их суденышко не так плавно, как раньше: прижатое каблуком дредноута, оно сперва рвануло кормой вперед, а потом дало крен на левый борт.

По наклонившейся палубе мертвецы покатались к ограждению борта. Древняя балюстрада встречала треском каждое новое тело, а потом один пилястр сломался, запустив цепную реакцию по всей длине корабля. Фальшборт отвалился целиком, трупы высыпались и попадали на палатки, повозки и неподготовленных туристов. Сенлин, вцепившись в пушку, наблюдал за этой «бомбардировкой». От того, как мертвецы, превращенные в снаряды, причиняли новые смерти, его тошнило.

Его план исполнился лишь наполовину, и надежда иссякла. Отыскав опору на основании пушки, он перезарядил гарпун и внезапно поймал себя на мысли, что это не было продуманной попыткой побега: это было самоубийство в состоянии отрицания. Возможно, он даже сейчас действовал, исходя из уверенности в том, что команда умрет, прежде чем он позволит садисту комиссару их захватить. Или, возможно, опасения Эдит верны – и терзающий его душу призрак настолько отравил разум, что на него нельзя положиться в вопросе различия между спасением и саморазрушением. Он больше не мог отличить надежду от заблуждения.

Хотя это не имело значения. Даже если все это несусветная глупость, останавливаться поздно.

Без ветра, который мог бы их вытащить, придется положиться на механический рывок. Он мог лишь надеяться, что корабль достаточно далеко ускользнул из-под «Арарата», чтобы его можно было вытащить на свободу, не разорвав на куски. Все зависело от поезда, который мчался по Рынку вниз. Локомотив уже прошел под ними и двигался дальше.

Голос Ирен прервал его размышления:

– Что ты собираешься делать?

– Я собираюсь выстрелить в поезд. Он вытащит нас из-под этого монстра, и тогда ты должна открыть резервуар, иначе нас ударит об землю.

– У тебя нет шансов, – сказала Ирен, указывая на поезд, который уже прошел за кварталом.

Сенлин развернул пушку, направив ее над главной палубой на дверь большой каюты.

– Сейчас один появится. – Ирен открыла рот, чтобы возразить, но Сенлин рывкнул на нее, как никогда раньше: – Это единственный выход. Ты должна открыть резервуар!

У Ирен сделался такой вид, словно она готова была наброситься на разбушевавшегося Сенлина. Он не отвел сурового взгляда. Где-то в корпусе с громким треском сломался бимс. Ирен зажала рукоять топорика зубами, как уздечку, и сиганула через ограждение. Цепь зазвенела, струясь мимо крепежной утки. Ирен несколько раз ударила о борт, прежде чем смогла за него ухватиться.

Сложив ладони рупором, Сенлин крикнул Эдит, которая соскользнула на угол палубы:

– Открой дверь каюты!

Эдит кинулась к двери, не сводя с Сенлина встревоженного взгляда. Она поняла, что он не просто вцепился в пушку, но пытается нацелить оружие... на нее. Она дернула дверь, обнаружила, что та закрыта, и начала обыскивать карманы в поисках ключа.

– Что ты творишь?

– Открывай сейчас же!

Пригнувшись и отпрянув в сторону, Эдит стукнула по двери механической рукой и сорвала ее с петель. Сенлин нажал на спуск, и кремень ударил по огневой пластинке, высек искру, которая коснулась порохового заряда. Гарпун рванулся вперед, волоча за собой трос вдоль хребта корабля. Прошел через капитанскую каюту и в мгновение ока вышел через эркер в штурманской рубке Эдит.

Отчаянная стрела помчалась к Рынку вместе с дождем из стеклянных осколков, пролетела над головами торговцев и туристов, которые в панике разбежались из-под тени падающего корабля. Гарпун настиг цель. Он ударился о крышу вагона-ресторана, пронзил потолок насквозь и испугал официантов, которые накрывали столы для чаепития. Зазубренный снаряд ворвался внутрь, разбивая фонари и ломая гипсовую лепнину на пути к задней части вагона, где в конце концов и застрял, зацепившись за железную раму.

«Каменное облако» плясало на конце туго натянутого каната, словно обезумевшая лошадь. Два корабля оторвались друг от друга, и маленький резко снизился, когда поезд вытащил его на ветер.

От жесткого рывка Сенлин полетел в сторону носа. Он ухватился за фальшборт кончиками пальцев, его развернуло так, что ноги болтались в воздухе за бортом. Он подтянулся к палубе как раз вовремя, чтобы увидеть, как пушка срывает с креплений и она кувырком летит вдоль палубы. Ствол зацепился за шланг воздуховода и разорвал его, едва не угодив в топку, а потом прыгнул через порог большой каюты, разбив перемычку. Крутящееся орудие уничтожило сундук с бельем, письменный стол и угол кровати Сенлина. Оно собрало вокруг себя ком мусора. К минуте, когда пушка ударилась о стену штурманской рубки, она уже выглядела кометой.

И эта комета снесла корму корабля, захватив с собой комнатную Эдит.

Все это время Ирен, цепляясь за шпангоуты внизу, продолжала рубить петли балластного резервуара. Она замахивалась во второй раз в тот миг, когда корабль рванулся вслед за поездом. Она замахивалась в третий раз, когда сорванная с основания пушка уничтожила штурманскую рубку. И когда четвертый удар достиг цели, облако наконец пролилось дождем.

Часть вторая. Золотой зоопарк

Глава первая

Каждый из нас на самом деле представляет собой множество. Я не тот, кем был сегодня утром, и не тот, кем был вчера. Я цепь собственных отражений, тянущаяся сквозь время. Каждый из нас, о великодушный читатель, толпа внутри толпы.

Нравы и тропы Шелковых садов, автор неизвестен

После побега из Нового Вавилона спасенная команда «Каменного облака» чувствовала себя на борту так, словно проводила медовый месяц на прогулочном корабле. Они, разумеется, не были слепы к недостаткам судна. Они чувствовали каждый наспех затянутый узел в его оснастке и легкий крен палубы. Его топка была темпераментной, как истеричный двухлетний карапуз. Но от грязного кубрика до потертых циферблатов на рулевой консоли этот корабль был их спасителем, и они его любили.

Они провели день, кувыркаясь в метели, которая вырвала их из рук Комиссара, а потом вылетели сквозь великую снежную стену и узрели буколический пейзаж: стада овец, сонную деревеньку и поля, готовые к зимнему отдыху. Сами того не желая, они пересекли горы, окружающие Вавилонскую долину.

При виде сельской местности на Эдит нахлынула ностальгия, но первой мыслью Сенлина было: «Мы не должны слишком удаляться от Башни».

Волновался он зря. Ветер утих, и корабль попал в туман, который расплескался в предгорьях, как молочное море. Пока они утопали в этом море, солнце сжалось и почернело, словно изюм, уступая место сумеркам, которые сгустились в ночь. Сенлин никогда прежде не встречал такой глубокой тишины. Он слышал, как друзья шевелятся и дышат, слышал трепыхание собственного сердца. Они зажгли фонари на палубе, хотя свет лишь изменил одну непрозрачную среду на другую – черную на белую, тьму на туман.

Вместо того чтобы чувствовать себя в ловушке тумана или ослепленными им, они с готовностью приняли его объятия: если им с трудом удавалось разглядеть друг друга, стоя на одной палубе, разве мог кто-то другой увидеть их корабль?

Это была такая роскошь – не бояться!

Они воспользовались передышкой, чтобы разобраться с тем, что оставила после себя команда Ли. Подобно тому как птица приносит новые веточки в старое гнездо, они начали делать «Облако» своим.

В личной большой каюте Сенлин пытался решить самую древнюю из домашних головоломок: расставить мебель в комнате. Целью, конечно, было угодить глазу, не подвергая опасностям голени, что казалось достаточно простой задачей на первый взгляд, но на самом деле вовсе таковой не являлось. Капитан Ли не был обременен каким-либо эстетическим чутьем; доказательством тому служило его решение расположить всю мебель вдоль стен. По периметру комнаты теснились огромный, словно морж, гардероб, отделанный кожей сундук, обеденный гарнитур и чопорная кровать с четырьмя столбиками.

– Все равно что попасть в окружение, верно? – сказала Мария, вертясь в центре пола. – У этого гардероба определенно недобрые намерения.

Она вскинула подбородок и улыбнулась так же, как когда-то улыбнулась из окна вагона, вернувшись из женской консерватории. Она сияла на скромной станции Исо, посреди стареющих носильщиков и дам в громоздких, вышедших из моды шляпах. Ее темно-рыжие волосы

колыхались вокруг лица, обдуваемые слабеющим паром, и он, пришедший на станцию по каким-то делам, про которые тотчас же забыл, уставился на эту обаятельную женщину, свою бывшую ученицу, как громом пораженный.

Он надеялся, что видение скоро исчезнет, а она тогда еще не доставляла особых хлопот. Это был переходный период, время для того, чтобы привыкнуть к новой роли капитана, которая – как стало понятно сразу же – плохо сочеталась с его талантами. Но отказаться от нее он не мог, и эта роль предполагала, что ему придется столкнуться с моральной дилеммой: можно ли подвергать опасности друзей ради жены. Из этой суматохи в душе явился призрак Марии. Она позволила ему вспомнить человека, которым он когда-то был: искреннего учителя, занудного гостя вечеринок, неуклюжего жениха.

Конечно, он понимал, что к вымышленному образу нельзя привязываться. Он сразу же решил не разговаривать с ней, но это не означало, что он не мог наслаждаться ностальгическим призраком. Когда действие крошки иссякнет и Мария опять превратится в воспоминание, он тяжело вздохнет и продолжит двигаться дальше.

Мария прижала кулак к подбородку и задумчиво прищурилась, пока он выпихивал шкаф из угла каюты.

– Вот так-то лучше. Он кажется более дружелюбным. Что теперь делать с этим сундуком?

Кто-то торопливо постучался, и тяжелая дверь на главную палубу распахнулась, впуская туман. Из тумана вышла Волета, не спуская глаз с чайного подноса, который несла в руках. На ней был причудливый пестрый наряд из вещей не того размера; ее ноги утопали в сапогах выше колен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.